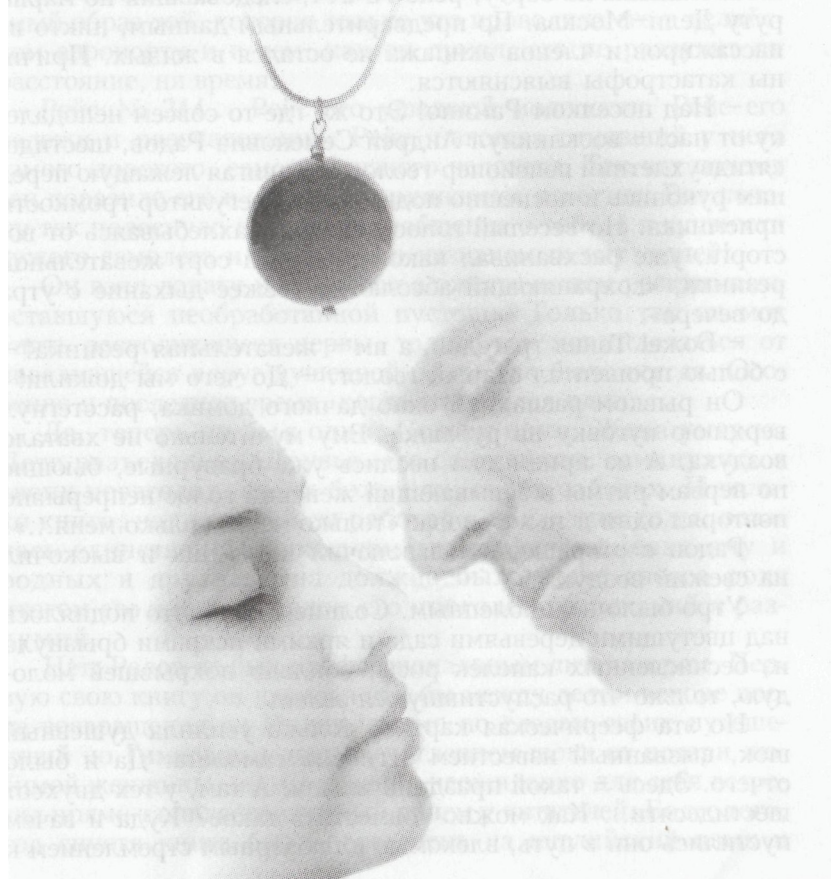

Нуэла

Глава первая

Сообщение, переданное по радио, было кратким: сегодня, в 3 часа 47 минут по московскому времени, в воздушном пространстве России над небольшим поселком Рамино, что в ста сорока километрах к юго-востоку от Нижнего Новгорода, потерпел аварию самолет делийской авиакомпания «Боинг-747» с двумястами сорока шестью пассажирами и четырнадцатью членами экипажа на борту, рейс № 214, следовавший по маршруту Дели-Москва. По предварительным данным, никто из пассажиров и членов экипажа не остался в живых. Причины катастрофы выясняются.

- Над поселком Рамино! Это же где-то совсем неподалеку от нас! - воскликнул Андрей Семенович Радов, шестидесятидвухлетний пенсионер-геолог, отодвигая лежащую перед ним рукопись и поспешно подкручивая регулятор громкости приемника. Но веселый голос диктора, захлебываясь от восторга, уже расхваливал какой-то новый сорт жевательной резинки, «сохраняющий абсолютно свежее дыхание с утра до вечера».

- Боже! Такая трагедия, а им - жевательная резинка! - с болью прошептал старый геолог. - До чего мы дожили!

Он рывком распахнул окно дачного домика, расстегнул верхнюю пуговку на рубашке. Ему мучительно не хватало воздуха. А из приемника неслись уже бравурные, бьющие по нервам ритмы и завывающий женский голос непрерывно повторял одни и те же слова: «только меня, только меня...».

Радов с отвращением выключил приемник и выскочил на свежий воздух.

Утро было великолепным. Солнце только что поднялось над цветущими деревьями сада и яркими искрами брызнуло из бесчисленных капелек росы, обильно покрывшей молодую, только что распустившуюся зелень.

Но эта феерическая картина только усилила душевный шок, вызванный известием о гибели самолета. Да и было отчего. Здесь - такой праздник жизни! А там, у тех двухсот шестидесяти... Как можно совместить такое? Куда и зачем пустились они в путь, влекомые иллюзорным стремлением к перемене мест, положившись на более чем сомнительные блага цивилизации? Неужели было что-то более притягательное и значимое, чем этот пронизанный солнцем оком, этот напоенный утренней прохладой воздух, этот божественный аромат пробуждающейся природы?

И вдруг словно молния пронзила его мозг. Как там было сказано: рейс № 214? Так это тот самый рейс, каким много лет назад он сам летел из Дели в Москву после длительной трехлетней командировки в Индию в качестве консультанта одной из геологических экспедиций.

Тогда также была весна. И также земля пробуждалась от долгой зимней спячки. Но как все изменилось за эти годы! Тогда он был молод, полон сил и здоровья. А главное - душа была переполнена огромным, ни с чем не сравнимым счастьем. И перед глазами неотступно стоял незабываемый образ той, которая только что проводила его в делийском аэропорту и с кем, как он думал, его не разлучит ни расстояние, ни время.

Рейс № 214... Рейс его ушедшей молодости. Рейс его надежд и разочарований. Рейс, навсегда отнявший у него самого дорогого, самого близкого человека. Так вот почему так поразило его в общем-то ординарное известие! Вот почему так полоснуло по сердцу сообщение о гибели в сущности чужого самолета и совершенно незнакомых ему людей!

Он взял лопату и принялся с ожесточением раскапывать оставшуюся необработанной пустошь. Только так он мог унять расхолодившиеся нервы, только так мог отделаться от навалившейся вдруг душевной боли. Так было всегда. Особенно в последнее время, когда он остался один.

Да, теперь он был один. Совсем один. Жена умерла. Дети разъехались. Друзья, его сверстники, замкнулись в своих невзгодах, своих болезнях, своих заботах. И только книга, над которой он работал в последние годы, осталась единственным смыслом его жизни, заменив ему и родных и друзей. Она должна была стать своего рода итогом его жизни, плодом его многолетних исканий и раздумий.

Нет, Радов не был профессиональным литератором. Первую свою книгу он написал как бы между делом вскоре после возвращения из Индии, прямо по следам своих путешествий по Гималаям и под впечатлением шока от потери любимой женщины, но совершенно неожиданно для себя встретил прямо-таки восторженный прием у читателей. Более того, год спустя книга была переведена на английский язык и переиздана в Дели, а сам он был принят в члены Союза писателей СССР.

Казалось, сама судьба толкала Радова на то, чтобы всерьез заняться литературной деятельностью. Но уже следующая его рукопись была «зарезана» по идеологическим соображениям, и руководство Союза писателей «серьезно предупредило» своего молодого члена о возможности разделить участь некоторых опальных литераторов. Тогда Радов понял, что при своем прямолинейном и бескомпромиссном характере он может ужиться только с миром таежных дебрей и горных круч.

Этому миру он отдал всю жизнь, не изменил ему вплоть до выхода на пенсию и только теперь, став пенсионером, вновь решил взяться за перо, чтобы поделиться своим жизненным опытом, своими взглядами на жизнь.

Впрочем, была у него еще одна привязанность. Это его сад. С ним, с растущими в нем деревьями он общался как с близкими, одушевленными существами, разговаривал с ними, делился своими бедами и невзгодами, поверял им свои думы. И даже забывал среди них о своем одиночестве и своих все усиливающихся недомоганиях.

Вот и теперь, помахав с полчаса лопатой, он сел на небольшую скамеечку под сенью старой яблони и прижался лбом к ее шершавому стволу:

- Так-то вот, старина, мы с тобой еще скрипим, а там где-то ушли в мир иной абсолютно невинные, может быть, очень хорошие, только начинающие жить люди. И каждый из них, возможно, как и я, летел за своей мечтой. И у каждого была своя, уже прожитая, совершенно особенная, не похожая на другие, жизнь.

Радов тяжело вздохнул, и мысли его снова обратились к тем далеким временам, когда он, совсем еще молодой человек, но уже признанный специалист-геолог, оказался в далекой Индии, чтобы помочь своим коллегам из этой солнечной страны в поисках необходимых ей полезных ископаемых. Здесь Радов и познакомился с юной Джунгой Парвати - тоненькой черноволосой, черноглазой девушкой, почти девочкой, со смуглым миловидным лицом и стройной, точеной фигуркой.

Впрочем, знакомство это было чисто вынужденным: индийское руководство экспедицией назначило ее на должность коллектора радовской партии и на первых порах не могло не вызвать ничего кроме обоснованного протеста.

- Не хватало еще с малыми детьми возиться, - недовольно буркнул он в разговоре со своим русским начальником.

- Ну, во-первых, этот «ребенок» успел закончить геологический колледж и получить степень бакалавра, - возразил тот, - а во-вторых, как ты знаешь, мы здесь, в соответствии с контрактом, должны не только работать, но и передавать свой опыт местным кадрам.

- Как же я буду передавать ей свой опыт, на пальцах объяснять? - не сдавался Радов.

- Не беспокойся, я слышал, Джуна немного знает русский язык. А потом... неплохо было бы и тебе помаленьку начать учиться индийскому языку, если ты всерьез решил здесь работать.

Что можно было возразить на это? Пришлось смириться. Тем более что юная коллектриса действительно оказалась очень дельным и старательным работником. А в один прекрасный день и вовсе поразила Радова сверх всякой меры.

В тот день они вели рекогносцировочную съемку на склоне небольшого, поросшего кустарником холма, и Радов, увлеченный работой, лишь услышав подозрительный шорох в траве, заметил в двух шагах от себя высоко поднятую голову королевской кобры.

Змея была небольшая. Но, увидев ее раздувшийся капюшон и хищно поблескивающие глазки, юноша мгновенно похолодел от страха. Ужас не позволил ему даже сдвинуться с места. Он словно окаменел в предчувствии неотвратимой развязки. И в тот же миг увидел,

как его молодая помощница вихрем рванулась к разъяренной змее, прижала каблуком ее шею к земле и одним ударом молотка расплющила подергивающуюся из стороны в сторону голову отвратительной гадины, затем отбросила носком ботинка все еще извивающееся тело кобры далеко в сторону и совершенно спокойно произнесла:

— Когда приходится видеть такая змея, главное — нужно не есть бояться. На ваша родина нет, наверное, такой ядовитый хищник?

- Да, у нас нет таких страшных змей. Но нет и таких храбрых девушек, как вы.

Лицо Джуны покрылось ярким румянцем.

- Не надо говорить так. Это не есть храбрость. Это есть привычка.

- Ну, знаете!.. - воскликнул Радов. - Если бы не вы... -Он схватил руку девушки и крепко сжал ее. - Спасибо вам, Джуна. Огромное спасибо!

Пальцы девушки дрогнули в его руках:

- Не надо спасибо ко мне. Надо спасибо к вам. Это вы хотите научить меня, как надо работать.

Радов взглянул в ее глаза и впервые увидел в них нечто гораздо большее, чем просто уважение к своему учителю, нечто такое, что отозвалось в его душе мощным ликующим аккордом и заставило забыть и о только что пережитом страхе, и о всех неудобствах кочевой жизни геолога, и о начавшихся было терзать его муках тоски по родине. Он снова взглянул в бездонные, как омут, глаза девушки и неожиданно для самого себя сказал:

- Джуна, а вы не взяли бы научить меня вашему языку? Она потупилась:

- Если вы хотите... я была бы рада...

Так растаял ледок, доселе сковывавший их отношения, так началась их дружба, а затем любовь, и к концу пребывания Радова в Индии они поклялись друг другу быть вместе до конца дней своих.

Правда, Радов не мог остаться с Джуной в Индии - это было бы расценено как измена Родине, и не мог сразу захватить ее с собой - это потребовало бы длительного оформления всякого рода формальностей. Но он не сомневался, что сейчас же по приезде в Союз вышлет Джуне вызов, она приедет к нему, и они станут мужем и женой. Да и могло ли быть иначе?!

Могло! Слишком мало знал молодой геолог порядки, господствовавшие в его стране. Несмотря на все хлопоты, ему так и не удалось устроить приезд Джуны в Союз. Более того, на выезд самого Радова за границу было наложено жесточайшее табу. И осталась юная индианка лишь предметом его воспоминаний, да еще прототипом главной героини в его книге «В предгорьях Гималаев».

Вот о чем напомнило Радову краткое сообщение по радио. Вот что заставило его заново прочувствовать всю нелепость и жестокость нашей «высокоразвитой» и «высокогуманной» цивилизации. Там в прошлом злополучный рейс № 214 в прах развеял все его мечты, все надежды на счастье, сегодня тот же рейс № 214 оборвал жизнь других, почему-то проклятых судьбой, людей.

Долго еще сидел одинокий пенсионер под своим любимым деревом, перебирая в памяти события далекого, и не столь далекого, прошлого. Потом встал, оделся, взял свою неизменную кошелку и отправился в расположенный неподалеку райцентровский сельмаг, чтобы купить кое-что из продуктов.

Глава вторая

Путь до сельмага был недолгим. И все-таки около трех километров надо было прошагать по глухой проселочной дороге, где не то что машину или повозку, но и одинокого пешехода можно было встретить лишь от случая к случаю.

Однако Радов любил эту дорогу. Любил именно за ее пустынную. А еще за то, что пролегала она через светлую березовую рощу, полную птичьего гомона и запаха травы и цветов. Он знал каждый ее поворот, каждую пересекающую ее тропинку. И тем не менее

всякий раз она открывалась перед ним как-то по-новому, какой-то иной, невиданной прежде, красотой.

Вот и теперь в небе появилось небольшое облачко, и тень от него побежала по дороге, как живая пугливая черепашка. Она торопливо перебиралась через длинные, неподвижно лежащие тени от деревьев, и оттого казалось, что сама дорога бежит путнику навстречу.

Увлеченный этой игрой теней, Радов остановился у знакомой молодой березки и вдруг вспомнил, что он уже видел нечто подобное. Да, именно такая картина осталась в его памяти от того дня, когда он впервые увидел представленного ему коллектора их геологической партии. Тогда он также стоял у небольшого деревца и смотрел на бегущую от облака тень, а на дороге, что вела к базе партии, показался начальник экспедиции с тонкой, как тростинка, черноглазой девушкой в белом сари и с непокрытой гладко причесанной головой.

Какая буря протеста поднялась в его душе, когда он понял, что с этим хрупким созданием ему придется ходить в маршруты по горным тропам и каменистым ущельям! И какой грустью и болью наполнилась она три года спустя, когда пришла пора расстаться с этим созданием, ставшим самым дорогим, самым желанным человеком на свете!

Радов обхватил руками прохладный ствол белоснежной красавицы и вновь, как это уже было сегодня утром, унесся в мыслях в те дни тридцатилетней давности, когда он знал, что такое счастье.

Но так продолжалось недолго. Что-то заставило его вновь взглянуть на дорогу, и он увидел, что из-за поворота показалась маленькая человеческая фигурка.

Менее всего расположенный к каким бы то ни было встречам, Радов хотел сейчас же отойти в глубь рощи. Но, как нарочно, именно в этот момент выкатившееся из бегущего облака солнце особенно ярко осветило приближающуюся фигурку, и он застыл на месте от неожиданности и изумления. Навстречу ему шла девушка. Но не просто случайная незнакомка. Одного взгляда, брошенного на нее, было достаточно, чтобы увидеть, что она как две капли воды похожа на его Джуну: тот же рост, фигура, то же смуглое, сильно удлиненное лицо, те же жгучие темно-карие глаза и иссиня-черные, отливающие вороненой сталью волосы. Даже походка и характерный поворот головы, чуть вбок от направления взгляда, были точно такими, как у Джуну.

Что это, бред, галлюцинация, сон наяву? Или какой-то фантастический сдвиг во времени? Радову представилось даже, что он снова на геологическом маршруте, как бывало в незабываемые дни гималайской экспедиции, и навстречу ему идет его юная коллектриса, его верная помощница и возлюбленная. Но в это время из-за того же поворота вывернула легковая машина и, не сбавляя скорости, помчалась по узкой дороге.

Объехать девушку она не могла. Единственное, что оставалось путнице, это как можно скорее отскочить в сторону. Но девушка почему-то побежала прочь от машины прямо по дороге.

Этого не ожидал ни Радов, ни, видимо, водитель машины. Пронзительно взвизгнули тормоза, и...

Все дальнейшее произошло точно в каком-то кошмарном сне. Девушка упала. Машина на миг остановилась. Дверка ее раскрылась и вновь захлопнулась. Взревел мотор. Машина рванулась с места и, обдав Радова облаком вонючих газов, скрылась за следующим поворотом. На дороге осталась лишь распростертая фигурка девушки.

Радов подбежал к ней, поднял на руки, приложил ухо к груди. Глаза девушки были закрыты, но сердце прослушивалось отчетливо. Слава Богу, жива! Он снял у нее с шеи тонкий шелковый шарфик, расстегнул верхнюю пуговку на платье.

Легкий вздох вырвался из груди пострадавшей, веки дрогнули, но глаза оставались закрытыми. Сильная бледность покрыла смуглое лицо.

Радов растерянно огляделся по сторонам. Что же теперь делать? Сбившая девушку машина умчалась. Ждать здесь другую - бессмысленно. Значит, надо нести ее в медпункт.

До больницы, что была по соседству с сельмагом, оставалось не больше километра, а девушка, к счастью, оказалась легче, чем он думал. Да что там легче, она была словно невесомой. Радову показалось даже, что на руках у него не прелестная молодая женщина, а всего лишь сгусток уплотненного воздуха, принявший вид человеческого тела. Но в тот момент это не удивило его. Мозг все еще отказывался воспринимать все происходящее как реальную действительность.

Однако в следующую минуту глаза девушки раскрылись. Она быстро, словно спохватившись, взглянула на Радова и вдруг вскрикнула на знакомом ему индийском наречии:

- Ой, что это?! Пустите меня!

- Простите, пожалуйста, - ответил он, с трудом припоминая слова когда-то выученного языка. - Я не хотел сделать вам ничего плохого, но...

Он осторожно опустил ее на дорогу, однако едва ноги девушки коснулись земли, как сдавленный стон вырвался из ее груди и она как подкошенная повалилась на траву.

- Вот видите, - продолжал Радов, едва успев подхватить ее за талию, - вам надо немедленно показаться врачу, а сами вы пойти пока не сможете.

- Что же делать?..

- Я попробую нести вас. Это недалеко. Потихоньку доберемся...

- Нести меня на руках?.. Как можно?! Мне, право, неудобно... И потом, кто вы? Я слышу, вы говорите на моем родном языке. Я просто не ожидала... Вы жили в Индии?

- Ну, это длинная история. А время не терпит. Ухватите меня за шею и постарайтесь расслабиться. Вот так... -он снова поднял девушку на руки. - Я не причиняю вам боли?

- Нет, мне повредили, кажется, только ноги... Но вам, наверное, будет тяжело.

- Ничего! Когда-то я носил тяжести и побольше. Кстати, на вашей родине. А как вы оказались здесь, у нас? И как мне называть вас?

- Мое имя Нуэла. Но больше я, к сожалению, ничего не могу сказать вам. Разве лишь то, что я с самолета, недавно разбившегося тут неподалеку. Поэтому у меня нет ни вещей, ни документов. Мы летели из Дели, и... Только ради всего святого, - вдруг спохватилась она, - не говорите никому об этом. Умоляю вас!

- Хорошо, хорошо, пусть будет так.

- Поверьте, это не каприз, - продолжала Нуэла, испуганно оглядываясь по сторонам. - Есть люди, которые преследуют меня. Могут даже лишиться жизни. И эта машина... Вполне возможно, что это был не просто несчастный случай. И если бы не оказалось поблизости вас... Словом, мне невероятно повезло. Но если вы куда-то торопитесь...

- Никаких если! Я должен доставить вас в больницу. И как можно скорее. Потерпите немного, тут недалеко. Вам очень больно?

- Ноги... - прошептала девушка сквозь слезы. - Обе ноги как в огне...

- Бедная девочка! И надо же было случиться такому несчастью. Но сейчас вам помогут. Только бы добраться до медпункта.

Однако дойти до больницы оказалось действительно не так просто. И хотя Радов по-прежнему почти не ощущал тяжести Нуэлы, возраст и не совсем здоровое сердце его давали знать о себе. Тем более что день становился невыносимо жарким, а только что пережитое потрясение не могло пройти бесследно. Дыхание его срывалось. Несколько раз он вынужден был останавливаться и отдыхать то прислонившись к дереву, то опустившись на придорожный пенек.

В такие минуты Нуэла принималась убеждать его не рисковать своим здоровьем, оставить ее, ждать какого-нибудь попутного транспорта. Но он снова и снова подхватывал ее на руки и нес все дальше и дальше, пока не ввалился, вконец обессиленный, в крохотный вестибюль районной больницы.

И вот здесь его ждало испытание покруче. Едва он начал излагать сидящей за окошечком регистратуры женщине суть дела, как та, не поднимая головы от разложенных перед ней бумаг, грубо оборвала его на полуслове:

- Паспорт больной!

- Да понимаете, у нее нет паспорта, - снова принялся объяснять Радов. - Она шла по лесной дороге, и совершенно неожиданно из-за поворота...

- Без паспорта больных не принимаем! - еще резче отрезала регистраторша. - Следующий! Радов беспомощно огляделся вокруг. Люди, столпившиеся у окошечка, сочувственно пожимали плечами. Но во взглядах всех читалось одно: жаль, конечно, но против правил не пойдешь. И только один из толпы, хорошо знакомый Радову майор КГБ в отставке, хлопнул его по плечу и зычно пророкотал:

- Ба, Андрей! Вот так встреча! - и, отведя Радова в сторону, доверительно добавил: - А чего ты растерялся? Скажи, что это твоя дочь, и дело с концом.

- Как моя дочь?! Что ты, Виктор! Ведь это...

- Вижу, что девушка из Индии. Так ведь ты три года прожил там. Все об этом знают. Вот и...

- Нет, как можно... - смутился Радов.

- Можно, Андрей, можно! С такими порядками, как у нас, все можно!

Радов взглянул на Нуэлу. Лицо ее исказилось от боли. На лбу выступили маленькие капельки пота. И он махнул рукой.

- Послушайте, - снова обратился он к регистраторше, - я привез свою дочь.

- Дочь? Так бы сразу и сказали. Что вы мне голову морочите! Давайте ваш паспорт. Так... Радов Андрей Семенович... Проживает... Так что с вашей дочерью?

- Ее сбила машина.

- Значит, к хирургу. Он как раз принимает. В десятом кабинете. Если не уехал на вызов.

Радов снова поднял Нуэлу на руки и поспешил в указанный кабинет.

В коридоре было пусто, и он шепнул девушке, что в силу кое-каких формальных обстоятельств он вынужден был назвать ее своей дочерью. В ответ Нуэла лишь слабо кивнула, но руки ее заметно дрогнули, а глаза наполнились слезами.

- Но это ничем не обяжет ни меня, ни вас, - поспешил успокоить ее Радов. - Просто в наших больницах приходится соблюдать иногда некоторые нелепые правила, так что вы уж не подведите меня.

- Я все сделаю, как вы скажете. Только... Мое лечение будет стоить, наверное, много денег. А у меня...

- Не беспокойтесь, в наших больницах лечат бесплатно. И вообще - постарайтесь пока ни о чем не думать, кроме того, чтобы как можно скорее выздороветь. А вот и десятый кабинет. - Он постучал в дверь. - К вам можно?

К счастью, больных в кабинете не оказалось и врач был на месте. Радов положил Нуэлу на кушетку, коротко объяснил, в чем дело.

- Тэк-с... - склонился над ней хирург. - Посмотрим, посмотрим. А вы, папаша, подождите за дверью.

Радов послушно вышел и принялся мерить шагами полутемный коридор. Так прошло минут двадцать. Наконец из кабинета выпорхнула медсестра:

- Кто здесь отец пострадавшей - вы? Радов поспешно подошел:

- Да, я. Что с ней?

- В общем, ничего страшного: переломов нет, вывих мы вправили. Но, возможно, есть трещинки в костях голени. Надо будет посмотреть. Так что дней на пять-семь мы положим ее в стационар. Сейчас прибудет санитарка с каталкой и отвезет ее в отделение. А она что, плохо говорит по-русски?

- Да... - растерялся Радов. - Она... в общем, она только что приехала ко мне из Индии, где все последние годы...

- Ладно, - махнула рукой медсестра, - пройдите с ней в отделение и там все сами объясните.

Санитарка не заставила себя ждать, и уже через несколько минут они катили Нуэлу к пристрою, где размещались хирургическое и терапевтическое отделения стационара.

- Как хорошо, что вы не ушли, - шепнула ему Нуэла, когда санитарка оставила их вдвоем перед дверью отделения. - Я ведь почти не знаю русского языка, и у меня действительно нет при себе никаких документов. Вы уж простите, пожалуйста, что из-за меня вам приходится терять столько времени.

- О чем вы говорите, Нуэла?! Каким временем можно измерить то, что случилось с вами! Я не оставлю вас, пока вы не выйдете отсюда абсолютно здоровой. И только после этого... Кстати, а есть ли здесь, в России, близкие или хотя бы знакомые вам люди?

Она лишь обреченно покачала головой:

- Были в самолете. Теперь нет никого...

- Так как же я могу бросить вас одну, больную, беззащитную!

- Спасибо вам, хороший, добрый человек. Только, пожалуйста...

Однако дверь в приемный покой раскрылась, и санитарка проворно подкатила каталку с Нуэлой прямо к столу заведующей отделением:

- Вот, принимайте.

Радов подошел, сдержанно поздоровался. Заведующая положила телефонную трубку на рычаг аппарата, отбросила со лба непослушную прядку волос:

- Да, мне только что звонил Игорь Петрович, хирург. А вы отец пострадавшей? Он сказал, что больная не совсем свободно владеет русским языком, так что помогите мне заполнить историю болезни.

Радов, уже свыкшийся со взятой на себя ролью отца Ну-элы и даже набросавший в голове ее «краткую биографию», без труда ответил на все вопросы врача, не преминув добавить, что она всего лишь несколько дней назад «вернулась» к нему из Индии.

- Ну что же, - заключила заведующая, - сейчас мы поместим ее прямо в палату. Можете больше ни о чем не беспокоиться. А завтра утречком принесите все необходимые ей предметы туалета, ну и что там еще найдете нужным.

Радов поблагодарил врача и, поцеловав Нуэлу в голову, шепнул ей на индийском языке:

- Там, в коридоре, вы что-то не договорили мне как будто? Да, я хотела еще раз просить вас никому не говорить,

что я с разбившегося самолета. Поверьте, так нужно.

- Хорошо, Нуэла. Выздоровливайте. И ни о чем не беспокойтесь. Завтра я навещу вас.

Она с чувством пожала ему руку:

— Вас послал мне сам Бог...

Глава третья

Вся оставшаяся часть дня прошла как в тумане. Радов то пытался браться за неотложные домашние дела, то выходил в сад поработать на грядках. Но, чем бы он ни занялся, мысли его неотступно вращались вокруг черноглазой смуглянки, что, как яркий болид, по какому-то щедрому капризу судьбы вдруг ворвалась в его тусклую, размеренную жизнь. И что самое удивительное - во всем этом он не увидел ничего случайного, неожиданного, ему казалось, что так и должно быть, что все прошедшие тридцать лет он только и мечтал об этой девушке, только и ждал встречи с нею.

Ночью мужчина почти не сомкнул глаз. Услужливая память то переносила его в дни далекой молодости, прошедшие в геологических маршрутах по горным тропам Гималаев, то рисовала во всех подробностях недавнюю встречу на лесной дороге и все, что произошло вслед за этим, вплоть до последнего взгляда, брошенного на него Нуэлой с больничной каталки в приемном покое.

А утром Радов быстро собрал все необходимое, наполнил сумку всевозможными гостинцами, нарезал букет самых лучших тюльпанов и отправился в больницу. Прибыл он

туда, конечно, задолго до того как разрешалось свидание с больными, и ему больше часа пришлось просидеть на скамеечке в больничном сквере. Но от одной мысли, что он снова увидит прелестную индианку, будет говорить с ней и, может быть, как и вчера, прочтет в ее глазах искреннее расположение к себе, на душе у него стало светло и радостно.

День был воскресным и потому в сквере вокруг Радова постепенно собралась целая толпа пришедших, как и он, на встречу с больными. Тут были и мужчины и женщины, и молодые и старые, и скромно одетые и вырядившиеся как на праздник. Но все они стояли молча с унылыми лицами, точно пришли не на свидание со своими близкими, а на похороны. И лишь молодой мужчина - маленький толстячок в светло-коричневом костюме и соломенной шляпе явно не разделял общего подавленного настроения. Он суетливо шнырял в толпе, заговаривал то с одним, то с другим из собравшихся и каждого одаривал веселой, жизнерадостной улыбкой никогда не унывающего человека.

Подошел он и к Радову, даже присел с ним рядом на скамейку.

- Скажите, и долго еще нам здесь ждать? - заговорил он, приподняв шляпу.

- Сказали, в десять откроют. - Радов взглянул на часы. - Значит, через пятнадцать минут.

- А у вас, простите, кто здесь лежит?

- Дочка в хирургическом, - коротко ответил Радов, не желая вступать в разговор с незнакомым человеком.

Но незнакомец и не думал прекращать расспросов.

- Что, была сложная операция? - продолжал он участливым тоном.

- Нет, ее сбила машина, вот и...

- Какое несчастье! И эти негодяи, наверное, как всегда, укатили с места происшествия.

- Почему вы так думаете? - насторожился Радов.

- Я сам год назад был свидетелем такого случая. Эти автомобилисты-любители совсем распоясались.

- Да, машина уехала, - вздохнул Радов.

- Но вы запомнили ее номер? Или хотя бы марку, цвет?

- Нет, не запомнил ни того, ни другого. Не до этого было...

- Жаль, жаль! А как дочка, в реанимации?

- Нет, все обошлось без больших травм.

- Ну, слава Богу, слава Богу! - воскликнул толстяк с неподдельным участием, и Радов даже пожалел, что слишком холодно отвечал на его вопросы. Следовало, хотя бы ради приличия, и ему поинтересоваться, к кому пришел незнакомец в больницу. Но в это время толпа заволновалась и хлынула к дверям. Радов поспешил вслед за всеми.

Отыскать Нуэлу не составило большого труда. Но с каким волнением переступил он порог указанной ему палаты!

Нуэла лежала в дальнем углу, у окна, и еще издали протянула обе руки ему навстречу, а в глазах ее было столько радостного ожидания, что тугой комок подкатил к горлу Радова и в груди стало тесно от нахлынувшей нежности и боли. Трудно было вообразить положение более безвыходное, чем то, в какое попала Нуэла, в сущности совсем еще девочка, оказавшись в чужой стране без родных и близких, без каких бы то ни было документов, без средств к существованию, да еще угодив на больничную койку. Но чем он мог помочь ей?

Радов постарался согнать с лица следы этих скорбных мыслей и подошел к кровати Нуэлы.

Она приподняла голову с подушки, поправила на груди простыню. Глаза ее светились мягкой, доверчивой улыбкой.

- Ой, какие шикарные цветы! И это мне?! - воскликнула она вполголоса.

- Конечно тебе, - ответил Радов, легонько сжимая тонкие пальцы девушки и даже не замечая, что говорит ей «ты».

Впрочем, Нуэла, кажется, тоже не заметила перемены в обращении к ней. Она зарылась лицом в тугие полураскрывшиеся бутоны роскошного букета, и только он один мог услышать ее прерывистый шепот:

- Как мне благодарить вас за такую радость? Чем отплатить за вашу заботу обо мне? Ведь я не знаю даже, как вас зовут, - добавила она чуть слышно.
- Как меня зовут? Разве ты забыла, что для всех здесь, в больнице, я твой отец?
- И значит, должна называть вас папой?
- По крайней мере, пока не выйдешь из этой палаты.
- О, я готова называть вас так всегда.
- Вот и отлично. А как ты себя чувствуешь?
- Да в общем... хорошо. Почти хорошо. Вчера мои ноги просветили рентгеном. Нашли небольшие трещинки.

Но сказали, что они срастутся без всякого хирургического вмешательства. А сегодня я пробовала даже ходить. И знаете, ничего...

Она не сводила с него больших блестящих глаз, а ему снова и снова казалось, что все это сон, галлюцинация, чудесное возвращение в прошлое; что не могло возникнуть столь поразительного сходства в силу простой случайности. Ведь даже выражение глаз Нуэлы, малейшая черточка ее лица, тончайшие оттенки ее голоса были точно такими же, как у оставшейся в его памяти Джуны. А само появление ее! Он отлично помнил, что именно о ней, Джуне он думал в тот момент, когда из-за поворота показалась Нуэла. А ее странная невесомость! А непонятная связь с только что разбившимся самолетом, на котором, как сегодня еще раз подтвердили, не спасся ни один человек!

Все это было более чем необъяснимо, и десятки вопросов готовы были сорваться с языка Радова. Но он видел нежелание Нуэлы рассказывать о себе и потому продолжал говорить лишь о ее самочувствии, о погоде, о больничных порядках и тому подобных вещах.

Впрочем, уже через несколько минут она сама вернулась к событиям вчерашнего дня:

- Скажите, а что нового говорят об этой кошмарной авиакатастрофе?
- По-прежнему ничего определенного. Предполагают теракт. Подтверждают, что никто из пассажиров и членов экипажа не остался в живых.
- Это ужасно, конечно. Но для меня даже лучше, что и я считаюсь погибшей.
- Почему же, Нуэла?!
- Позже я расскажу вам все, и вы поймете. Я ведь вынуждена была бежать из Индии. Но только в самолете поняла, что... — она зябко поежилась, быстро обежала взглядом дверь и окна. - Нет, об этом тоже после. Все это так страшно! И в двух словах не скажешь. А вы... Вы еще придете ко мне?
- Конечно! Завтра же. Что тебе еще принести?
- О, ничего! Вы и так завалили меня гостинцами. Мне ничего не нужно. Приходите только сами. Если сможете...

Радов ласково погладил ее по голове. А Нуэла, высвободив руки из-под простыни, робко коснулась кончиками пальцев его груди и тихо повторила:

- Приходите... пожалуйста... Я буду ждать вас... папа.

Полный самых сложных чувств и переживаний вышел Радов из палаты Нуэлы. А по выходе из больницы его ждала еще одна неожиданная встреча.

Не успел он пересечь сквер, как кто-то стукнул его по спине и знакомый рокошующий бас прогремел над самым ухом:

- Здорово, Андрей!

Радов обернулся и увидел отставного майора Рындина, того самого, который надоумил его назваться отцом Нуэлы.

- Что, решил навестить свою «дочку»? - продолжал тот, не скрывая усмешки.
- Да. У нее здесь, оказывается, ни родных, ни близких. Ну и, сам понимаешь...
- Очень даже понимаю. А ты скажи мне, что за толстяк в шляпе увивался вокруг тебя сегодня утром?

- Кто его знает! Тоже, наверное, пришел навестить кого-то из больных.
- А о чем он так усердно тебя расспрашивал, не об этой ли индианочке?
- Спрашивал и о ней.
- И ты так все ему и выложил?
- Было бы что выкладывать. Я сам мало что о ней знаю.
- И хорошо, что нечего было выкладывать. Не нравится мне этот тип. А у меня, как ты знаешь, глаз наметанный.
- Чем же он тебе не понравился?
- А тем хотя бы, что никаких больных ему навещать не нужно было. Ты вот расстался с ним - и сразу в дверь. А я подождал и посмотрел. Встал он, поговорив с тобой, со скамейки и, выждав, когда все ожидавшие войдут в больницу, преспокойненько развернулся и пошел прочь.
- Как пошел прочь? Чего же он тогда ждал столько времени?
- Стало быть, ничего не ждал. А нужно было ему только выведать у тебя все, что ты знаешь о своей «дочке».
- Но почему ты так решил?
- А потому, что я еще вчера заметил, что он глаз с нее не спускал, пока ты «торговался» с регистраторшей.
- Так он и вчера здесь был?!
- Ввалился сразу вслед за вами. И так и впился глазами в Нуэлу. Боюсь, что он все время шел за вами следом.
- Вот оно что! А я вспомнил теперь, что и там, в машине, был кто-то, похожий на этого типчика. Он, понимаешь, на миг раскрыл дверку, а как увидел меня, так снова захлопнул и - ходу!
- Вот-Вот!
- И сегодня он прежде всего пытался выяснить, запомнил ли я номер машины, ее марку, цвет...
- Но ты, насколько я тебя знаю, конечно, не запомнил ни того, ни другого?
- Да. До того ли было...
- А еще что он пытался у тебя?
- Спрашивал, каково состояние Нуэлы, в какое отделение ее положили...
- Ну вот что, Андрей, может быть, я и ошибаюсь, но, скорее всего, все это очень серьезно, серьезнее даже, чем я думал. Так что будь осторожнее со своей «дочкой».
- Что же ты посоветуешь делать?
- Пока лишь одно: никому ни при каких обстоятельствах не рассказывать ни об этом происшествии, ни о самой Нуэле. Кстати, ее имя ты не назвал этому лазутчику?
- Ее имя я не называл никому. Даже в истории болезни она фигурирует как Нелли Радова.
- Слава Богу, хоть тут тебе хватило ума на конспирацию. И еще - если по выписке из больницы ты приютишь ее у себя на даче...
- Ты считаешь это возможным?
- Ты сам сказал, что у нее нет здесь ни родных, ни близких.
- Не только здесь, но и вообще в России. Она действительно только что прибыла из Индии и к тому же потеряла все документы и деньги.
- Тем более.
- Да, но...
- Чего «но»? Будто я не вижу, что ты был бы только рад такому повороту событий.
- Мало ли чему я был бы рад, - смутился Радов. - А как она сама? И вообще...
- Так по официальной-то версии она твоя дочь. Куда же ей теперь податься, как не к себе домой?
- Ты все шутишь, Виктор...
- В данном случае - ничуть. Может быть, я и сам немного виноват в том: дал тебе вчера не совсем обдуманый совет. Но право, я и сейчас не придумал бы ничего лучшего.

Девушке нужна была неотложная помощь, а как можно было иначе прорваться к врачу? Тогда это было самым главным. О том, что будет дальше, некогда было и думать. К тому же ни ты, ни я не знали, что потом ей некуда будет приткнуться. А теперь у тебя просто нет другого выхода, как приютить ее у себя дома. Не пускать же на произвол судьбы очень неплохого, очень порядочного человека. Кто-то иной, может быть, и смог бы это сделать, ты же при твоей бесподобной доброте никогда так не поступишь.

- Эх, Виктор, дело не только в доброте. Помнишь, я как-; то рассказывал тебе о своей невесте, которая так и не смогла приехать ко мне из Индии? Так вот, можешь мне верить, можешь не верить, но эта девушка как две капли воды похожа на мою Джуну. Поэтому, может быть, я и...

- Да понял я это. Сразу понял. У тебя же всегда все на лице написано. Но, как бы там ни было, если ты приведешь Нуэлу в свой дом, то пусть, повторяю, об этом не знает никто. То есть никто не должен знать, что это не твоя родная дочь. Ну и... постарайся присматривать за ней, не оставляй, по возможности, одну, не отпускай далеко от дома.

- Это уж само собой. Я теперь ради нее... - Радов невольно сжал кулаки.

- А вот это ни к чему. Силой ее не обезопасишь. Так что положишься на меня, на мои старые связи. И в случае чего -звони. В любое время звони!

- Спасибо, Виктор.

- Ну что там спасибо. Я ведь тоже человек.

Глава четвертая

Все последующие дни у Радова начинались с посещения больницы, и всякий раз он шел туда с неизменной радостью и неизменным страхом - радостью от предстоящей встречи с Нуэлой, страхом за ее жизнь. Он ни на минуту не мог забыть вырвавшегося у нее намека на то, что есть люди, которые могут убить ее, а последний разговор с Рындиным только усилил его опасения.

Но пока все шло благополучно. Нуэла быстро поправлялась и каждое утро встречала его теплой, ласковой улыбкой. Только в глубине глаз ее по-прежнему таилась тщательно скрываема тревога и растерянность перед мраком безысходности, который уготовила ей судьба.

Впрочем, ни он, ни она не спешили рассеять этот мрак, хотя Радов сразу же после разговора с Рындиным принял решение пригласить Нуэлу пожить у него на даче, по крайней мере до тех пор, пока ей не представится возможность вернуться на родину или как-то устроиться здесь, в России.

121

Однако он отлично понимал, что это слишком деликатное предложение, которое можно сделать только дав Нуэле привыкнуть к нему и заслужив ее полное доверие. К тому же разговор на такую тему можно было начать лишь по ее инициативе, и не в больничной палате, где соседки по койке не сводили с них глаз, хотя и не понимали индийского языка. И вот сегодня такая возможность представилась.

Был воскресный день. Нуэла смогла уже выйти в сквер, и они уселись на садовой скамеечке вдали от прохаживающихся больных и обступивших их родственников.

Радов сразу заметил, что на этот раз Нуэла встревожена больше, чем обычно. На его вопрос о самочувствии она ответила с невольным вздохом:

- Теперь совсем хорошо. Вчера вечером врач сказал, что я могу свободно ходить и через день-два меня выпишут из больницы.

- Я рад за тебя, Нуэла. Ты действительно выглядишь вполне здоровой, - поспешил ободрить ее Радов. - Но что ты собираешься делать дальше?

Она снова вздохнула:

- Не знаю, право. Может быть, вы что-нибудь посоветуете. Но прежде мне хотелось бы немного рассказать вам о себе и о том, что заставило меня бежать из Индии. Тогда, возможно, мы вместе что-нибудь придумаем...

- Я сам хотел просить тебя об этом.

Она с минуту помолчала, затем начала свое повествование:

- Так вот, родилась и выросла я на севере Индии, в предгорьях Гималаев. Это довольно суровый край...

- Я знаю этот край, три года проработал там в составе индо-советской экспедиции.

- Давно?

- Лет тридцать тому назад.

- Там и научились нашему языку?

- Да. И не только освоил ваш замечательный язык, но и познакомился с очень хорошими, интересными людьми, своими коллегами-геологами.

- Это действительно чаще всего хорошие и интересные люди. Кстати, моя мама тоже была геологом...

- Что?! Твоя мать была геологом?! - не мог скрыть своего изумления Радов.

- Да. Хотя, конечно, это большая редкость для женщин моей страны - профессия геолога, - по-своему истолковала его удивление Нуэла.

- Не в этом дело... - невольно вырвалось у Радова, чей мозг пронзила вдруг смутная догадка.

- Вас удивило что-то еще? - растерялась Нуэла.

- Нет-нет, я просто... Ты продолжай, продолжай! Так твоя мать, говоришь, работала геологом?

- Да. Это вообще женщина необыкновенной судьбы, моя мама. Дочь простого крестьянина, она смогла закончить геологический колледж, получить степень бакалавра и даже устроиться на работу в очень престижной экспедиции в Гималаях вроде той, в какой работали вы. Это, видимо, тоже была смешанная индо-советская экспедиция, потому что непосредственным начальником мамы был русский горный инженер. Я не помню его имени. Мама называла его, но я забыла. Он многому научил маму. Это был, похоже, очень хороший, очень добрый человек, и они с мамой полюбили друг друга. Но чем это могло кончиться для граждан столь разных, столь далеких стран?.. По истечении контракта он уехал к себе на родину, а мама осталась в Индии, продолжала работать в той же экспедиции. И долго еще вспоминала своего первого учителя и друга. Мне кажется, она не забывала его никогда...

«Боже, что она говорит! - молнией пронеслось в голове Радова. - Молодая индийская девушка-геолог... русский горный инженер... смешанная индо-советская экспедиция в Гималаях, где они встретились и полюбили друг друга... Уж не о нем ли с Джуной идет речь?»

- Нуэла, скажи, как зовут твою маму? - спросил он дрогнувшим голосом.

- Ее зовут Джуна.

- Как?! Ты сказала -. Джуна? Я не ослышался? Значит, ты дочь Джуны Парвати?

- Да... А вы... вы знали мою маму и этого горного инженера?

- Да... То есть это не совсем так... Это... это слишком невероятно, слишком неожиданно для меня, но... в общем, мы еще вернемся к этому инженеру. А пока... Ты продолжай, продолжай! Ты доскажи, что случилось с твоей матерью.

- Что случилось? Сначала ничего особенного. Три года она еще работала в той же экспедиции. И видимо, ждала, что ее возлюбленный вернется к ней. Но он не вернулся. А с мамой случилось большое несчастье: в одном из маршрутов высоко в горах она попала под страшный камнепад. Каменное крошево засыпало ее чуть не по грудь. Ее товарищи по экспедиции почему-то не знали, где ее искать. Только на третьи сутки совершенно случайно набрел на нее местный охотник. Он высвободил маму, еле живую, из-под обвала, перенес в свою хижину и целых полгода выхаживал, используя лишь ему известные травы и снадобья, потому что всякая связь даже с ближайшими населенными пунктами в то время практически прекратилась. Словом, он вылечил маму, хотя она долго еще не могла ходить без посторонней помощи. А никого близких у нее не

осталось: родители ее умерли за год до этого, экспедицию ее вскоре расформировали. Охотник же привязался к ней. Ну и случилось то, что должно было случиться, - они стали мужем и женой.

«Так вот почему она перестала отвечать на мои письма, - пронеслось в голове у Радова. - Бедная Джуна!»

- И в геологию она уже не вернулась? - спросил он, лишь бы нарушить затянувшееся молчание.

- Какое там! - с горечью воскликнула Нуэла. - Долгое время она вообще не могла работать. А потом появилась я. Ну и, сами понимаете... Впрочем, материальное положение отца позволяло нам жить безбедно. Он перевез нас в город. Мне абсолютно ни в чем не отказывали. Я получила вполне приличное образование, в совершенстве овладела английским языком. Словом, судьба была благосклонна ко мне. А вот мама... Мама вряд ли была счастлива в этом своем браке. Потому, во-первых, что отец был всего лишь простым звероловом, человеком недалеким, почти безграмотным. А потом... она, видимо, так и не смогла выбросить из сердца того русского горного инженера... Она много рассказывала мне о нем. И первое время мне казалось, что она должна была по крайней мере затаить на него обиду, ведь, по сути дела, он бросил маму. Но однажды нам в руки попала небольшая книга. Она была переведена с русского на английский, называлась «В предгорьях Гималаев» и была написана - кем бы вы думали? - да, тем самым русским горным инженером. И как написана! Я прочла ее за одну ночь. И сразу поняла, что эта книга о маме. Понимаете - о моей маме! И о нем самом, разумеется. О их любви, о злом роке, который разлучил их. Все имена в книге были, конечно, изменены. Но разве можно было не понять, кого имел в виду автор, какие события он описывал на страницах своей повести? Ведь я уже немного знала о них со слов мамы. А теперь они предстали передо мной как наяву. И я поняла, что мама действительно встретила в свое время замечательного человека, что она просто не могла не полюбить его и что только безжалостная судьба не дала соединиться этим двум хорошим людям. Я обливалась слезами читая заключительные главы книги. Ну а мама... Долгое время она не распиналась с пей ни на минуту. Можете представить, какое впечатление произвела эта книга на маму, сколько слез она пролила, листая и перелистывая ее страницы. Ну и, конечно, все это не могло не отразиться на ее отношении к отцу, тем более что он был добрым, но очень суровым человеком. Я никогда не видела, чтобы он как-то приласкал маму, обратился к ней с какими-то теплыми словами. Я и сама не видела от него никакой ласки, хотя знала, чувствовала, что он любит меня... Постепенно до меня дошло, что его гнетет какая-то роковая тайна. Кто-то без конца преследовал его. Мы, помнится, все время жили в непонятном страхе, часто переезжали с места на место, старались не заводить никаких знакомств. И все-таки злой рок подстерег нас. Однажды вечером отец не вернулся домой, а через два дня его нашли мертвым.

- Его убили?!

- По-видимому, да. И вот тогда мама открыла преследовавшую нас тайну. Оказывается, отец был обладателем какого-то таинственного камня, который его предки передавали из рода в род и за которым все время охотились какие-то люди с целью завладеть этим сокровищем. Камень этот, величиной с крупную вишню, по внешнему виду ничем не отличался от обыкновенного булыжника, но, если верить семейным преданиям, о которых поведала мне мама, он обладал какой-то сверхъестественной силой и достался одному из наших пра-прапрадедов от пришельцев с неба, опустившихся на Землю в огненной колеснице. Что это были за таинственные силы и почему наш прапрапрадед удостоился такого подарка, мама не знала, не знал этого, по-видимому, и отец. Но он никогда не расставался с камнем, носил его на металлической цепочке на груди под одеждой и свято верил, что камень предохранит его от любой напасти. Именно это без конца твердили ему отец и дед. Эту веру он внушил и маме, и потому, когда незадолго до того трагического случая мама сильно занемогла и отец предложил ей во избежание всего самого страшного

поносить его камень, она согласилась. Так вот - ну как тут не поверить в судьбу?! - папа ненадолго лишился своего талисмана, а в результате грабители остались ни с чем, но я потеряла своего отца, а мама - мужа. И что самое удивительное - болезнь мамы, которую врачи считали почти неизлечимой, сразу прошла. Но горе ее было столь велико, что она решила отделаться от злополучного камня, бросить его в реку. И тут-то раскрылась его чудодейственная сила.

Мама уже поднялась на речной обрыв и готова была снять с шеи цепочку с камнем, как вдруг кромка обрыва обрушилась под ее ногами, она потеряла равновесие и полетела с кручи вниз. Обрыв тот был высотой с пятиэтажный дом, река клочкотала под ним как разъяренная тигрица. Гибель мамы была неминуемой. Она в ужасе закрыла глаза... и тут же почувствовала, как непонятная сила подхватила ее, точно мягкий, пушистый ковер, и плавно перенесла через реку на противоположный низкий берег. И еще ей показалось, что камень, который висел у нее на груди, вдруг словно потяжелел и обдал ее волной легкого, приятного тепла.

Что бы это значило? Неужели камень и сделал ее невесомой, спас от гибели? Это было невероятно, не укладывалось ни в какие рамки привычной логики. И все же мама, привыкшая ничего не принимать просто так на веру, тут же взобралась на возвышавшийся неподалеку уступчик скалы и спрыгнула вниз.

Теперь неведомые силы вообще не дали ей опуститься на землю и, лишь собрав всю волю, она смогла зацепиться ногами за прибрежную гальку. Тогда мама сняла цепочку с камнем, спрятала ее под кустиком и снова спрыгнула со скалы. На этот раз не произошло ничего из ряда вон выходящего, ей пришлось даже поморщиться от боли в ступнях. Значит, дело все-таки в камне?! Она поспешно, боясь, чтобы кто-нибудь не подсмотрел, снова повесила его себе на шею и бросилась со скалы. Бросилась вниз, широко раскинув руки. И поплыла в воздухе, как парящая птица, замирая от нахлынувшего на нее восторга.

И она хотела бросить такое сокровище в реку! Нет, теперь она не расстанется с ним ни за что на свете, несмотря ни на какие страхи, ни на какие потери!.. Обратно через реку она перелетела уже без малейшего труда. А возвратившись домой, сейчас же рассказала обо всем мне. Я слушала ее затаив дыхание, боясь поверить в происшедшее. Но уже на другой день, спрятавшись в укромном, недоступном для людских глаз месте, мы по очереди поднимались в воздух, испытывая ни с чем не сравнимое чувство свободного полета. Постепенно мы научились сами по своему желанию подниматься и опускаться на землю, двигаться в нужном нам направлении, управлять полетом. Так началась у меня совсем другая жизнь. Мама отдала камень мне, и не было теперь у меня большей радости, чем парить время от времени над землей, рассекая упругие струи набегающего на лицо и плечи воздуха.

Но так продолжалось недолго. Однажды, возвратясь домой, я застала маму в слезах, и после недолгого запирательства она призналась мне, что получила отвратительную анонимку, в которой какие-то негодяи требовали, чтобы она немедленно - не позднее завтрашнего полудня принесла известную ей вещьцу на городской рынок и передала ее человеку, который будет стоять у центральных ворот. Прийти на рынок она должна была одна и ни в коем случае не говорить абсолютно ни с кем обо всем этом. В противном случае она отправится вслед за своим мужем.

Что нам оставалось делать? В ту же ночь, захватив лишь самое необходимое и ценное, мы бежали из дома и поселились в небольшой деревушке неподалеку от тех мест, где когда-то мама встретила с моим будущим отцом.

Следующие несколько месяцев прошли спокойно. Мы, правда, уже не летали. Камень был надежно спрятан во дворе нашего нового жилища. Мы стали понемногу приходить в себя, как вдруг бандиты снова напали на наш след. Однажды вечером мы обнаружили, что все в нашей комнатухе перевернуто вверх дном, а на столе лежит записка, в которой нам снова предлагалось под страхом смерти на следующий же день оставить «известную

вещицу» на столе, где мы нашли записку, и не думать больше о том, чтобы убежать или спрятаться, ибо авторы записки найдут нас и на дне морском.

Мы поняли, что бежать нам действительно больше некуда. Бессмысленно было теперь и избавляться от камня -грабители бы нам просто не поверили. Оставалось одно -уехать в какую-нибудь другую страну. Но куда и как? И тут мама вспомнила о своем бывшем шефе, начальнике геологической экспедиции, в которой она работала вместе с русским горным инженером. Теперь этот человек занимал какой-то важный пост в геологической службе страны, но мама изредка переписывалась с ним, и он неизменно предлагал ей свою помощь. Чем он мог помочь нам теперь в нашем безвыходном положении, мы и сами не знали. Но это была последняя соломинка, за которую мама решила ухватиться, уговорив меня отправиться к нему. О себе она, похоже, уже не думала. Ей нужно было спасти меня. К тому же оставалась надежда, что, если она убедит бандитов, что камень я увезла с собой, они оставят ее в покое.

Вам может показаться странным, что, несмотря на весь трагизм нашего положения, мы упорно не хотели пойти на сделку с бандитами. Ведь стоило нам отдать им камень, и все разрешилось бы само собой. Но в том-то и дело, что мы не могли этого сделать. Не могли, несмотря ни на что! Камень обрел над нами какую-то сверхъестественную власть. Он стал как бы частью нас самих, и отдать его значило совершить нечто вроде самоубийства. Во всяком случае ни мне, ни маме не приходило даже в голову пойти на сговор с вымогателями.

Итак, мама снабдила меня письмом к своему покровителю, сама надела мне на шею цепочку с камнем, крепко обняла в последний раз, и я вылетела навстречу своей судьбе. Вылетела в полном смысле слова. Боясь, что бандиты могут подстеречь меня на выходе из дома, мы дождались наступления полной темноты, и я взмыла в ночное небо.

Это был первый полет не ради удовольствия, а в силу суровой необходимости, и я еще раз убедилась, какой бесценный подарок преподнесли нам предки моего отца. Я летела на сравнительно большой высоте, внизу подо мной мелькали крохотные огоньки засыпающих деревень и поселков, а по всему телу расплывалось приятное тепло, исходящее чудодейственным камнем. И я готова была молиться ему как самому дорогому живому существу, как Богу.

Так я летела всю ночь. А наутро была уже в большом городе, откуда можно было поехать поездом в Дели. Большой геологический начальник встретил меня очень приветливо. Прочтя мамино письмо и выслушав мой рассказ, он надолго задумался. Я уже готова была к тому, что он просто выпроводит меня на улицу. Но он сказал: «Ну вот что, дружок. Из Индии тебе, конечно, придется пока уехать. И как раз сейчас представляется такая возможность. На днях я вылетаю с группой сотрудников в Москву. И смогу захватить тебя с собой в качестве... ну, хотя бы своего секретаря-референта. Я уже начал подыскивать подходящую кандидатуру, и ты вполне подойдешь на это место. Кстати, твоя мама не познакомила тебя с русским языком?» Я ответила, что она учила меня немного, и я смогу объясняться с русскими на бытовом уровне. «Вот и отлично, - заключил он. - Значит, решено - ты едешь со мной. Все необходимые формальности я сегодня же улажу. Ну а в Москве... В Москве у меня немало хороших друзей. Они помогут нам. Что же касается твоей матери, то я сейчас же радирую начальнику одной из геологических партий, которая работает в вашем районе, и он позаботится о ней. У него есть возможность оградить ее от любых бандитов».

Так получилось, что через два дня я уже летела самолетом в Москву, в далекую, неведомую Россию. Я почти ничего не знала об этой стране. И от одного сознания, что там, в чужих краях среди чужих, незнакомых людей, мне, возможно, придется прожить не один год, на душе у меня было тревожно. Эта тревога еще более усилилась, когда я заметила, что каких-то два человека непонятной национальности как-то очень подозрительно поглядывают на меня, обмениваясь многозначительными взглядами.

Ночью я не сомкнула глаз. А наутро, когда объявили, что самолет начал снижение, и попросили пристегнуть ремни, один из этих двоих вдруг соскочил со своего места и, выйдя на середину салона, громко произнес на английском языке:

- Всем сидеть, не двигаться! Никакой посадки в Москве не будет. Самолет полетит дальше. Куда? Это не ваше дело! Ваше дело - сидеть и помалкивать. В случае любого неповиновения самолет будет взорван, - террорист потряс в воздухе каким-то свертком. - Видите - это бомба! Давай, Боб! - кивнул он своему напарнику, который, также потрясая бомбой, направился в кабину пилотов.

Все затаили дыхание. А я похолодела от страха, потому что террорист подошел и толкнул меня в плечо:

- А вас это особенно касается.

- Ну вы! - прикрикнул на него мой покровитель. - Укоротите ваши руки...

Но не успел он закончить, как впереди, за дверью пилотской кабины, раздался страшный грохот, и огненный вихрь ворвался в салон, мгновенно поглотив передние ряды кресел. Все с криком вскочили с мест и, давя друг друга, бросились в хвостовую часть лайнера. А я вцепилась в подлокотники кресла, стараясь удержаться на вздыбившемся полу. И в тот же миг прямо у меня под ногами что-то заскрежетало, взвизгнуло и вся передняя часть салона вместе с пылающими креслами и бегущими меж ними людьми обрушилась куда-то вниз, а я повисла над черной зияющей бездной... Я поняла, что самолет разламывается на части. Сзади меня тоже послышался душераздирающий скрежет. Тогда я оттолкнулась от кресла и, почти теряя сознание от страха, прыгнула в открывшуюся пустоту.

Подумала ли я в ту минуту о своем камне? Или лишь сработал в подсознании спасительный рефлекс? Этого я не могу сказать до сих пор. Помню лишь, что когда я окончательно пришла в себя, то уже летела, медленно снижаясь, над густым, смутно темнеющим в предрассветных сумерках лесом и дрожала то ли от холода, то ли от страха перед ожидавшей меня неизвестностью.

Между тем островершие макушки деревьев становились все ближе и ближе. Я выбрала небольшую удобную поляну и, спирировав на землю, опустилась на мокрую от росы траву. Здесь, на земле, было еще холоднее, чем в воздухе. К тому же кругом был лес и в любую минуту из-за деревьев мог выскочить волк или медведь, которых, как я слышала, полным-полно в России. А в довершение ко всему я обнаружила, что у меня нет сумочки, в которой, кроме обычных для женщины косметических принадлежностей, лежали все мои документы и деньги. Я точно помнила, что все то время, пока я находилась в самолете, она лежала у меня на коленях и я поддерживала ее рукой. Помнила даже, что не выпустила ее из рук, когда бросилась в зияющий пролом и позже, когда летела к земле. А вот после, когда прямо подо мной замелькали вздыбившиеся верхушки деревьев, я инстинктивно выставила руки вперед, и сумочка, видимо, выскользнула из них. Но тогда, в первый момент, когда я обнаружила пропажу, до меня еще не дошел весь ужас случившегося. Мне было так холодно и страшно, что я молила Бога лишь о том, чтобы поскорее вошло солнце и исчез пугающий ночной мрак... Трудно передать словами, что я пережила в те несколько часов, пока не стало окончательно светло и я смогла наконец согреться. Теперь я увидела, что через поляну проходит торная дорога, и решила пойти по ней, хотя и не представляла, куда она может меня вывести. А дорога привела меня к небольшому селению, где было почему-то очень много собак. И меня снова охватил страх. На этот раз перед людьми, живущими в селении. Что я могла сказать им о себе: кто я, зачем и как оказалась в этих краях? Кто поверил бы в мое повествование? Вот когда я снова вспомнила о потерянной сумочке! Но где и как я могла ее найти?.. Я обошла селение стороной и пошла по дороге, так и не придумав, что делать дальше. Между тем меня начали мучить голод и жажда. Холодное утро сменилось жарким днем. Солнце пекло невыносимо. В небе не было ни облачка. Я поспешила углубиться в лес и когда увидела вдали одинокого путника (это были вы), то решила хотя бы спросить, где можно утолить жажду.

Вы сразу показались мне добрым и порядочным человеком, я готова была даже поделиться с вами своими проблемами. Но в это время позади меня послышался шум приближающейся автомашины и я, занятая своими мыслями, вместо того чтобы отступить в сторону, сама не знаю почему, может быть, потому, что снова вспомнила о своих преследователях, бросилась бежать прямо по дороге. Ну и... Дальше вы все сами видели.

Девушка тяжело вздохнула:

- Я понимаю, что все рассказанное мною больше похоже на сказку. Возможно, вы и не поверите мне. Но... что же мне делать? - Нуэла низко опустила голову, прикрыла ладошкой глаза, и из-под тонких пальцев ее выкатилась большая блестящая слеза.

Он ласково погладил ее по голове:

- Не плачь, Нуэла. Что-нибудь придумаем. Только... неужели ты так и не вспомнишь имя того русского горного инженера?

- Вы думаете, его можно будет разыскать?

- Почему бы и нет?..

- А если и найдем... Он стал, наверное, таким большим начальником, что не станет и разговаривать с нами.

- Ну почему же... Ведь он... ведь я... - окончательно смешался Радов. - Но ты тоже можешь не верить, если я скажу, что...

- Я верю каждому вашему слову! - поспешила возразить Нуэла.

- И все-таки было бы лучше, если бы ты вспомнила имя этого человека.

Она смешно наморщила лобик, прикусила нижнюю губку:

- Я помню только, что имя было длинным, как у всех русских, из трех слов. И последнее из них звучало как... Вадофф или Радофф...

- Радов? - подсказал он пересохшим от волнения голосом.

- Кажется, так... Да-да, точно так! Теперь я вспомнила — Андрей Радов. Так и было написано на обложке его книги. А вы что, знаете его?

- Гм... Знаю ли я его? Нуэлочка, девочка моя, да ведь... - он выхватил из кармана паспорт и протянул его Нуэле. - Вот, взгляни! Это вместо визитной карточки.

Она осторожно раскрыла документ, медленно, по складам прочла его имя, отчество, фамилию, на минуту задержала взгляд на вклеенной фотографии, перевела глаза на лицо Радова и вдруг вспыхнула, глаза ее широко раскрылись:

- Так это вы... вы сами... тот русский инженер, тот близкий друг мамы?!

- Да, это я, хоть и далеко не большой начальник, а самый заштатный старик пенсионер. Да к тому же набравшийся нахальства назваться твоим отцом.

Она заметно смутилась:

- И теперь жалеете об этом?

- Что ты говоришь, Нуэла! Да если б я действительно был твоим отцом...

Глаза ее потеплели:

- А ведь вы в самом деле могли бы стать моим отцом, если бы...

- Если бы не нелепые законы моей страны, которые не позволили мне в свое время стать мужем твоей мамы, - закончил он с непередаваемой горечью.

- Но вы все равно как отец... Нет, больше чем отец! Ведь тогда, на дороге в лесу... И потом, все последние дни... Я не нахожу слов... поэтому позвольте мне... - она порывисто придвинулась к нему, обвила руками его шею, прижалась губами к его виску.

Волна обжигающей нежности взметнулась в душе старого геолога, пронзила каждую клеточку его тела. Он обнял ее за плечи, привлек к своей груди:

- Родная моя...

Но она уже отстранилась от него, лицо ее снова помрачнело:

- Простите, что я так... И без того я доставила вам столько хлопот. А теперь вот даже не знаю, как дальше.

- А дальше все просто. Завтра тебя выпишут из больницы, и поедем домой.

- Как... домой? О каком доме вы говорите?
 - О нашем с тобой доме, ведь ты моя дочь.
 - Я понимаю, это шутка. А на самом деле...
 - Разве такими вещами шутят? Тогда в регистратуре я действительно назвался твоим отцом лишь в силу необходимости устроить тебя в больницу. Но теперь, узнав, кто ты и что произошло с тобой, все оценив и взвесив, я пришел к мысли, что это и есть единственная возможность помочь тебе в твоём нелегком положении. Отныне - для всех, кто нас окружает, для всех, кто нас знает, ты - моя дочь. Дочь, которую я оставил в свое время в Индии и которая вернулась ко мне. Если, конечно, ты согласишься с этим.
 - Боже, как я могу не согласиться! Только... Только не подумайте, что это лишь из-за безысходности моего положения. Нет! Я согласна пожить у вас, согласна со всем, что вы говорите, потому что полюбила вас. Полюбила как родного человека!
- Она снова прильнула к его груди, и горячие слезы покатались из ее глаз.
- Ну-ну, что же ты? Что же ты плачешь, моя девочка? - повторял он, поглаживая ее по голове.
 - Это так... просто так... Просто от радости, от любви к вам... - шептала она сквозь слезы.

Глава пятая

По возвращении из больницы Радов прежде всего принялся за уборку дачи: помыл полы, окна, двери, пропылесосил ковры и кресла, сменил шторы. Затем занялся комнатой для Нуэлы. Он решил поселить ее в мансарде, где когда-то размещалась детская, потом была библиотека и стоял его писательский стол, за которым, уединясь от всех домашних, он часами просиживал над своими рукописями. Однако после смерти жены и отъезда детей Радов почти перестал подниматься в мансарду. Кухня да гостиная, гостиная да спальня - вот и все жизненное пространство, которое оставалось необходимым для него.

Но теперь все должно было перемениться. И прежде всего опять понадобилась мансарда. Радов убрал оттуда большую часть книг, выбросил весь скопившийся там ненужный хлам, перенес туда старинное, оставшееся от родителей трюмо, небольшой диван, поставил оставшуюся после дочери красивую деревянную кровать, разыскал в кладовке старый, но еще вполне приличный туалетный столик. Словом, превратил этот заброшенный чердачок во вполне благоустроенную комнатку, куда не стыдно было пригласить и знатную магарани.

А вечером к нему зашел Рындин.

- Ну как, готовишься к приезду «дочери»? - начал он, как всегда, в добродушно-насмешливом тоне.
- Да, навел вот небольшой порядок, - ответил Радов, стараясь скрыть досадную неловкость.
- Ну, положим, такого порядка я не видел у тебя уже лет пять-шесть. Да и сам ты сияешь как начищенный самовар. Скоро новоселье?
- Завтра или послезавтра обещали выписать.
- Что же она, совсем поправилась?
- Надеюсь, что да.
- И согласна перебраться прямо к тебе?
- У нее действительно нет другого выхода. И потом... она искренне расположена ко мне. Я так понял...
- И я так понял.
- Ты-то как мог понять?
- Ну ты даешь! - рассмеялся Рындин. - Или ты, кроме своей Нуэлы, вообще никого не замечаешь? Да я ведь тоже чуть не каждый день хожу в больницу к своей благоверной. Сколько раз мы с тобой там встречались.
- Да, в самом деле...

- А в больнице, сам знаешь, всем до всех есть дело. Словом, я рад за вас обоих. Но пора тебе подумать и о некоторых не совсем приятных формальностях. Ну, с пропиской я вам помогу: кое-какие связи у меня остались, с вашим участковым поговорю, мы с ним старые приятели. А вот с документами... Где и как она их потеряла? И вообще - скажи наконец, кто она, зачем и как сюда приехала? Или это такой секрет, что...

- Почему секрет? Я расскажу тебе все, за исключением кое-каких деталей, в которые она просила абсолютно никого не посвящать.

- Хорошо, давай без деталей.

- Так вот, первое, самое главное, во что ты наверняка не поверишь, это то, что она дочь моей бывшей невесты, оставшейся в Индии, - начал неуверенно Радов.

- Ха! В этом я был убежден давным-давно! - усмехнулся Рындин. - Достаточно было вспомнить ее фотографии, привезенные тобой оттуда.

- Сходство у них, конечно, поразительное. И все-таки для меня самого это явилось такой неожиданностью!..

- Для тебя, может быть. А я недаром тридцать лет казенную кашу ел... Что же во-вторых?

- Во-вторых, она вынуждена была бежать из Индии...

- И в этом я нисколько не сомневался. А в-третьих?

- А в-третьих, все друзья ее, с которыми она прибыла в Россию, погибли при весьма трагических обстоятельствах.

- И тут ты меня не удивил. Не зря я тебя предупреждал быть осторожным, не болтать чего не следует.

- Да, ты был прав. Ну а с документами... Сумку с документами она потеряла уже здесь, вернее, неподалеку отсюда, по всей вероятности в лесу по дороге в Рамино.

- А вот это требует проверки.

- Как это проверишь?

- Надо попробовать найти эту сумку.

- В лесу?!

- Да, в лесу.

- Разве это возможно?

- Думаю, что да. У тебя нет случайно какой-нибудь ее вещицы?

- Нет. То есть вот, - вынул Радов из кармана шарфик Нуэлы. - Это... Это, понимаешь, я вынужден был снять с нее там, на месте, где ее сбила машина: ей было трудно дышать. А потом... Потом как-то забыл вернуть ей.

- Забыл? Вот в это я ни за что не поверю, - усмехнулся Рындин. - Но на этот раз твоя «забывчивость» и поможет нам найти документы Нуэлы.

- Поможет найти ее сумку?! Каким образом?

- Ну не нам так, моему Рексу. Он и не такие дела проделывал.

- Понятно. Спасибо тебе, Виктор. Это было бы так кстати. И давай не будем тянуть.

- Зачем тянуть? Завтра утречком и отправимся. Часов в пять, если не возражаешь.

- Да ради такого дела я готов ночь не спать. /;

- Нет, ночью ты поспи. А утром я зайду к тебе.

Солнце едва поднялось над лесом, когда, миновав райцентр, они вышли на дорогу, ведущую в Рамино. Здесь Рындин дал своему Рексу понюхать шарфик Нуэлы, и умная собака, с минуту потоптавшись на месте, уверенно двинулась прямо по дороге.

- Порядок, Андрей! - прищелкнул языком Рындин. - Найдем вашу пропажу, если, конечно, кто-нибудь не опередил нас. А кстати, ты не встречал больше того толстяка в шляпе?

- Нет, а ты полагаешь, это какой-то террорист?

— Едва ли. Скорее всего это просто самонадеянный шалопай, который сдуру наехал на Нуэлу, а потом, чтобы замести следы, начал наводить справки. Ему, как я понимаю, важнее всего было убедиться, что дело не кончилось смертельным исходом и единственный свидетель, каковым был ты, не смог идентифицировать его машину. Вот он и подкатил к тебе в больнице.

- Может быть и так. Хорошо, если бы было только так. А вот и поляна, о которой говорила Нуэла. Действительно уютная полянка!
- Полянка - ничего... И трава тут потоптана, пожалуй, не случайно... Да, не случайно... - приговаривал Рындин, меряя шагами поляну и пересекающую ее дорогу. - А что было на ногах у Нуэлы?
- Туфли...
- Гм, туфли! Понятно, что не лапти. А какие туфли? С каким каблучком, с какими носочками?
- Ну, этого я тебе не скажу.
- Н-да... хоть ты и геолог, но следопыт ни к черту не годный. Туфли у Нуэлы были с тонким каблучком и узкими длинными носочками. А вот и... Что это, по-твоему? - поднял он с земли обрывок широкого ремня с пряжкой.
- Это? Ремень какой-то... вроде тех, какие ввели сейчас для водителей и пассажиров на машинах.
- И в самолетах! - многозначительно добавил Рындин.
- Да, и в самолетах, - растерянно повторил Радов. - Но сумки нигде не видно. Неужели кто-то уже поднял ее?
- А это мы сейчас проверим. Рекс! Да куда же ты запропастился?! А-а, вон ты где! - увидел он наконец собаку, которая, обежав поляну, углубилась в лес и крутилась теперь вокруг высокого ветвистого клена. - Ну что ты тут нашел? Как ничего?! Так что же тебя беспокоит? И никаких следов отсюда к дороге! Непонятно... - он повернул обратно к поляне, но собака продолжала бросаться на дерево, время от времени обращая к нему свою умную морду и тихо поскуливая от нетерпения.
- Ну что, что тут у тебя? - снова вернулся к ней Рындин. - Нет же ничего. И следов никаких нет. Андрей, иди-ка сюда, - позвал он Радова, - может, ты что-нибудь увидишь. Радов подошел к клену, тщательно осмотрел все кругом, снова взглянул на собаку, которая продолжала поскуливать, подняв морду к развесистой кроне дерева, и вдруг понял, что значит ее нетерпеливое желание привлечь внимание людей к вроде бы ничем не примечательному дереву. Там, на высоте пяти или семи метров от земли, зацепившись за тонкий сук, висела маленькая лакированная сумочка, ярко поблескивая металлическим замком.
- Виктор, смотри! - крикнул он Рындину. - Вот она, сумочка Нуэлы. Аи да Рекс! Рындин подошел к дереву, прикинул взглядом расстояние до сумки:
- Н-да... Высоковато забросила ее твоя индианочка. Мне бы так не удалось.
- И ты думаешь...
- Я думаю, зря ты сразу не поведал мне о ее засекреченных «деталях». Я давно догадался, что она с того делийского самолета. Трудно, конечно, сказать, как она осталась жива. Ну, да индусы с их йогой и прочими факирскими штучками и не на такое способны. Впрочем, если у нее действительно есть причины опасаться преследования каких-то негодяев и это они взорвали самолет, то, разумеется, лучше не распространяться о том, что она избежала смерти при аварии. Так будет спокойней и ей, и тебе.
- Ты думаешь, те, от кого она бежала из Индии, могут преследовать ее и здесь?
- Все может быть. Не все же они летели в самолете.» И если те, кто остался в Индии, узнают, что Нуэла избежала гибели, то, сам понимаешь...
- Но как они узнают об этом?
- Святая простота! Да у нынешних гангстеров дело поставлено лучше, чем у нашей внешней разведки. Живо получают любую информацию и заявятся в любую точку земного шара, а то и просто дадут знать своим агентам из русской мафии. Впрочем, это лишь одна из версий.
- Значит, есть и другие?
- А вот сейчас заглянем в сумочку и...
- Как? Открыть чужую сумку?!

- Так, чужак человек, надо хотя бы убедиться, что это ее сумка.
- Ну если так... - нехотя согласился Радов. А Рындин уже сильно стукнул по стволу дерева, и сумка слетела прямо ему в руки. Он, не задумываясь, щелкнул замком:
- Ну вот, тут и авиабилет на рейс № 214, так и должно быть. А дальше... О, да все лучше, чем я думал. И паспорт с соответствующим штампом, и виза нашего посольства. Значит, с пропиской не будет никаких осложнений. И на работу, в случае чего, ее можно будет устроить. А главное -отпали все сомнения, какие, чего греха таить, нет-нет да и лезли мне в голову: крепко въелась в меня старая закваска.
- Так ты что, и за шпионку готов был ее принять?
- Что подделаешь, в практике моей работы и не такое случалось. Девушка она, конечно, симпатичная, милая. Да ведь если только на это полагаться... Словом, всякое за эти дни пришлось передумать.
- А теперь?
- А теперь - ша! - отрезал Рындин. - И хватит об этом.
- Идти пора, нас обоих в больнице ждут. Может, и мою сегодня выпишут. Надоело бобылем жить.
- Сегодня едва ли. Я звонил им вчера вечером. Сказали, что по понедельникам не выписывают, что будут завтра.
- Ну, завтра так завтра. Ты как, сначала домой?
- Да, надо захватить кое-что ей в больницу.
- А я прямо в райцентр. Попрошу все-таки выписать мою старуху.
- Ну, будь здоров, - Радов пожал приятелю руку и зашагал по знакомой дороге, сжимая в руках драгоценную сумочку и забыв уже и о Рындине со всеми его сомнениями и версиями, и обо всем на свете, кроме той, которая ждала его сейчас в больничной палате и с кем он не расстанется скоро ни на один час. Только бы прошли благополучно эти дни!

Глава шестая

Однако прошел и один, и два, и три дня, а Нуэла все еще оставалась в больнице. И только в конце недели она наконец встретила его ликующим возгласом:

- Всё! Завтра утром вы можете забрать меня отсюда. И вот это утро наступило.
- Дача встретила их низким пчелиным гулом и густым ароматом только что распустившейся сирени. Радов открыл перед Нуэлой дверь и, легонько подхватив под локоть, провел в принаряженную ради такого случая гостиную. На окнах ее висели красивые, словно наполненные воздухом гардины, пол покрывал мягкий, ворсистый ковер, на книжном шкафу и пианино стояли роскошные букеты свежесрезанных пионов, а на столе громоздились горки фруктов, печенья, пирожных и пузатые бутылки домашнего, приготовленного самим Радовым, вина.
- И это все ради меня?! - воскликнула Нуэла восторженным шепотом.
- Мне хотелось бы немного отметить твое выздоровление.
- И нашу неожиданную встречу?
- Да. Только, знаешь, я ждал этой встречи, верил в нее. И, как мне кажется, только эта вера и согревала меня всю жизнь.
- Я тоже... ждала чего-то. Но до сих пор боюсь поверить, что все это не сон. И потом... как я здесь, в чужой стране, без документов?..
- А у меня есть для тебя сюрприз. Кстати, пойдем я покажу твою комнату. Это наверху, в мансарде. Там тебе будет удобно и покойно. В нее ведет даже отдельный вход, с веранды. И есть маленькая лоджия, прямо над цветником. Сейчас увидишь.
- Он помог ей подняться по лестнице, распахнул дверь и указал на стол, куда заранее положил найденную сумку:
- Знакома тебе эта вещица?

- Ой, моя сумка!? Не может быть! - Нуэла метнулась к столу, щелкнула замочком. - Да, моя сумка, и все целехонько. Вот уж действительно сюрприз! И это тоже - благодаря вам? Скажите, вы человек или какой-то добрый дух, посланный мне богами?

- Я самый обыкновенный человек, Нуэла. Но для дочери Джуны готов быть и добрым духом, и любящим отцом, и самым верным и преданным другом.

- А я для вас... Нет, словами это не выразишь.

Девушка прошла по комнате, села на диван. Затем положила его большую, огрубевшую ладонь себе на грудь и тихо прошептала:

- Слышите, как бьется мое сердце? И пока оно бьется, до последнего его удара я буду служить вам как Богу.

Он ласково погладил ее по голове:

- Милая моя девочка! Зачем это? О какой службе ты говоришь? Я счастлив уже тем, что ты будешь жить возле меня и я смогу по мере возможности заботиться о тебе как о родной дочери.

Смутная тень пробежала по лицу Нуэлы.

- Только потому, что я дочь Джуны? - быстро проговорила она.

- Да... - почти машинально подтвердил он и вдруг по--нял, что это не так, что, как ни священны были для него воспоминания о Джуне, это были всего лишь воспоминания, а то, чем стала для него Нуэла, было превыше любых воспоминаний, да и чувства, какие он питал к ней, были совсем не такие, какие были в отношениях с его детьми, хотя он и пытался убедить себя, что испытывает к ней чисто отцовскую привязанность.

- Да, наверное... - повторил он, все больше осознавая, что говорит не то, что думает, и боясь признаться в этом Нуэле.

А она вдруг как-то сникла, ресницы ее дрогнули, в глазах появилось внезапное смятение, растерянность, даже боль.

- А я думала...

Можно ли было и дальше кривить душой?

- Вернее, я хотел сказать, - поспешил добавить Радов, - что я всегда готов был сделать все, что мог, для Джуны. Но, встретив тебя... Боже, неужели ты не видишь, что стала для меня самым дорогим, самым близким человеком на свете, кто бы ни был твоей матерью?!

- Это правда? - проговорила она дрогнувшим голосом.

- И ты еще спрашиваешь!

- Нет, я чувствую это, этого нельзя не чувствовать. Но чем я заслужила такое?... - тихо произнесла Нуэла, не спуская с него посветлевших глаз, в которых были теперь лишь беспредельная нежность и безграничная доверчивость, каких он не видел во взгляде ни одной другой женщины.

И сразу словно яркий фейерверк взметнулся в его душе, в груди стало тесно от нахлынувших чувств. Но он постарался притушить этот всплеск ответной нежности:

- А ведь ты, наверное, проголодалась, Нуэлочка, пора нам заняться завтраком.

- Как скажете... - послушно согласилась Нуэла.

- Так я пойду поставлю чайник, а ты... Ты, может быть, хочешь переодеться? Я тут приготовил кое-что, - кивнул Радов на шкаф. - Халатик, домашние туфли...

- Да, я переоденусь, благодарю вас.

Потом они долго сидели за столом. И Нуэла, сначала робко, нерешительно, затем все более осваиваясь в непривычной для нее обстановке, взяла на себя роль хозяйки стола: разливала чай, нарезала колбасу, сыр, и все это с таким милым совершенством, такой непринужденной грацией, что Радов не мог оторвать от нее замороженного взгляда.

- Как же вы живете совсем один? - задала Нуэла, по-видимому, давно мучивший ее вопрос.

- Так уж получилось. Жена умерла. Сын служит в ракетных войсках далеко на Севере, недавно обзавелся семьей. Дочь еще раньше вышла замуж, живет на Дальнем Востоке.

- А вы?

- А я вот коротаю остаток своих дней...
- Не говорите так! Остаток! Отец мой в ваши годы только еще женился на маме. И если бы не тот трагический случай... А вы что, не очень хорошо себя чувствуете?
- Всяко бывает, Нуэлочка.
- Так я помогу вам.
- Чем же ты сможешь помочь? - усмехнулся Радов.
- Только не смейтесь, пожалуйста! Отец мой не только владел волшебным камнем. Он знал много древних секретов врачевания людей и кое-что успел передать мне.
- Вот как! Значит, ты будешь меня лечить? И каким образом?
- Это секрет, и вы... Вы даже не заметите этого.
- Совсем замечательно. А теперь, если хочешь, пойдем погуляем по саду. Я покажу тебе свои «земельные угодья».

- Как это погулять по саду?! - пылко возразила Нуэла. - В саду не гуляют, а работают. И я тоже хочу работать. Не беспокойтесь, я ничего не напорчу. Летом мама часто возила меня в деревню к бабушке, и там я научилась всем садоводческим премудростям. Но сначала надо убрать со стола.

- Пустяки. Я уберу попозже.

- Нет, убрать надо сейчас. И сделаете это не вы, а я. А вы подыщите мне какую-нибудь старую блузу и не очень большие шаровары, чтобы я могла поработать в саду. - Нуэла решительно встала из-за стола, и Радов не мог не отметить про себя, как это было похоже на то, что говорила и делала когда-то Джуна.

Так началась у Радова новая, столь не похожая на прежнюю, жизнь. Где бы он теперь ни был и что бы ни делал, рядом с ним неизменно оказывалось милое юное создание, одним своим присутствием превращающее каждый день в праздник. Радов мог часами любоваться ее безукоризненно сложенной фигуркой, ее красивым смуглым лицом, ее утонченными, истинно в индийском духе, манерами; ему доставляло несказанное удовольствие оказывать ей все новые и новые знаки внимания, стараться предугадать любое ее желание, доставить ей хоть какую-нибудь радость, абсолютно не помышляя о каких бы то ни было более близких, интимных отношениях. Она, со своей стороны, платила ему самой искренней привязанностью, уважительным, доходящим до обожествления почитанием, но также не выходила за пределы чисто дочерних проявлений своих чувств, так по крайней мере казалось Радову.

И ничто, казалось, не могло омрачить этого тихого запоздалого счастья. Но не прошло и недели, как судьба снова напомнила ему о прежних, почти забытых, страхах.

В этот день они с Рындиным возвращались из райцентра, где получали пенсию, и уже подошли к развилке дорог, одна из которых шла к даче Радова, другая - к совхозному поселку, в котором жил Рындин, как тот резко остановился и схватил Радова за рукав:

- Что это? Слышишь?!

- Вроде машина... - прислушался Радов.

- Не вроде, а точно - автомобиль. И снова на дороге к твоей даче.

- Что же из этого?

- А то, что, сам знаешь, не так часто проезжают здесь машины.

- Да, с тех пор как случилось несчастье с Ну злой, я не видел ни одной.

- Вот то-то и оно! Может, это опять тот хмырь в шляпе. Не нравится он мне все-таки. Сам не знаю почему. Пойдем-ка встретим его, хочу взглянуть на этот автомобиль.

Но шум машины уже растаял в предвечернем воздухе, и прежняя тишина повисла над лесной дорогой. Тем не менее друзья двинулись вперед и через несколько минут остановились перед знакомым перекрестком, где ясно просматривались следы автомобильных шин.

- Она лишь пересекла нашу дорогу, - заметил Радов, присматриваясь к ним.

- И не просто пересекла, а притормозила тут, - уточнил Рындин. - Но и это еще не все: кто-то сошел с нее и направился к вашим дачам. Видишь эти следы?

- Да, следы, похоже, свежие и начинаются лишь от перекрестка.

- А главное - обрати внимание! - я никогда не видел таких замысловатых отпечатков подошв. Словно иероглифы какие-то. Не иначе какой-то азиат их оставил.

- И что это может значить? Рындин пожал плечами:

- Кто знает... Просто надо на всякий случай запомнить эти отпечатки.

- А может, пустить по ним Рекса? - предложи./! Радов, глянув на собаку, не спускавшую глаз с хозяина.

- Не стоит, тот, кто их оставил, наверняка дошел уже до самых дач. А там местные собаки поднимут такой пепелополх - хлопот не оберешься. Да и что это даст? Ну, увидим мы какого-нибудь шалопая вроде того, в шляпе, он же нам и нахамит. Мало ли кого тут нелегкая носит. Впрочем, постой! Взгляни-ка сюда, - он поднял с земли смятую пачку из-под сигарет и протянул ее Радову. - Видишь, что здесь написано?

- «Мэйд ин Дели», - прочел тот, рассматривая пестро раскрашенную упаковку. - Сделано в Индии?

- Несомненно.

- И ты думаешь...

- Пока ничего не думаю. Ничего конкретного. Только больно уж много всякой азиатчины появилось в этих местах.

- И это может грозить Нуэле?

- Как тебе сказать... Сама эта пачка ни о чем еще не говорит: мало ли всякой зарубежной дряни завозят сейчас в нашу страну. Но если собрать все воедино... Словом, шпарь-ка поскорее к своей «дочке», а то, не ровен час...

- А ты? Может, заскочишь к нам?

- Ну куда я с собакой! Да и заждалась, наверное, моя старуха, что-то ей опять стало хуже. Иди, иди, не трать время!

Рындин, ссутулясь, повернул обратно. А Радов чуть не бегом припустил к себе домой, моля Бога, чтобы ничего не случилось с Нуэлой.

Однако на даче все было спокойно. Нуэла встретила его, как всегда, на пороге дома веселая, покрасневшая, в легком домашнем халатике, с поварешкой в руке - видно было, что она только что отошла от кухонной плиты, - и сразу забросала его вопросами:

- Ну, как сходили? Сделали все, что надо? А как тот ваш суровый приятель, встретили вы его? И почему бы ему как-нибудь не навестить нас?

Радов приготовился было подробно отвечать на все эти вопросы. Но Нуэла уже схватила его за руку и потянула в дом:

- Нет-нет! После! А сейчас - мыть руки и за стол. Обед давно готов.

Можно ли было остаться равнодушным к этому милому щебетанию очаровательной девушки, в глазах которой не угасало самое искреннее расположение к нему, Радову, не избалованному женским вниманием? Но можно ли было отделаться и от страшного чувства тревоги, от сознания того, что какие-то черные, недобрые силы все ближе подбираются к самому дорогому для него человеку? Правда, все эти опасения его были пока лишь из области догадок и предположений. Но Рындин, похоже, имел для этого весомые основания. Дай-то Бог, чтобы он ошибался!

Глава седьмая

Минуло еще две недели, и жизнь Радова и Нуэлы окончательно вошла в размеренную, устоявшуюся колею.

Вставала Нуэла рано. И сразу же принималась за приготовление завтрака. Потом они вместе работали в саду или бродили по лесу, вместе готовили обед и ходили в райцентр за продуктами, вместе просматривали очередные главы рукописи Радова и намечали ход дальнейшего повествования, причем нередко Нуэла делала столь неожиданные и дельные замечания и высказывала столь оригинальные мысли, что Радов не мог не подивиться ее острому уму и умению быстро и точно формулировать самые сложные вопросы. Словом,

езде и во всем она оказалась просто незаменимой помощницей Радову. А очень скоро начали сбываться и ее обещания поправить его здоровье.

Он не замечал, чтобы она производила над ним какие-то специальные манипуляции, и тем не менее с удивлением убеждался, что постепенно пропала мучившая его одышка, прекратились боли в груди, исчезли ставшие почти привычными слабость и апатия, вернулась вера в свои силы.

И дело было не только в том, что ему доставляло неиссякаемую радость присутствие в доме молодой, красивой девушки. Это само собой. Главное же заключалось в том, что он чувствовал, почти физически ощущал, что глаза Нуэлы, ее руки, все существо ее источают какие-то неведомые флюиды, от которых захватывало дыхание, начинала кружиться голова и казалось, будто все тело пронизывают невидимые токи, заставляющие трепетать каждую клеточку, каждый нерв, каждую каплю его крови.

Больше всего это чувство охватывало его, когда Нуэла садилась за пианино и чарующие звуки шопеновских вальсов заполняли уютный полумрак гостиной. И не было у Радова большего удовольствия, чем сидеть в такие минуты в своем любимом кресле, слушать волшебную музыку, смотреть на тонкие пальчики, пробегающие по клавишам, и замирать от щемящей радости, переполняющей душу.

Не меньшее удовольствие доставляли ему и их беседы за чашкой чая. Говорили они обо всем: о музыке и литературе, о телепатии и полтергейсте, о Рерихе и Достоевском, об апокалипсисе и возникновении жизни на Земле. И Радов снова и снова не мог не удивляться ее начитанности, сообразительности и меткости суждений.

Не обходилось, конечно, и без споров. Несмотря на юный возраст, Нуэла никогда не отступала от своих убеждений, особенно если это касалось религии. Юная индианка не сомневалась, что еще до рождения прожила не одну жизнь, и была уверена, что в одной из них уже встречалась с ним, Радовым.

С не меньшей убежденностью она верила в предопределение и почти убедила Радова, что именно по велению судьбы они встретились и оказались вместе.

Впрочем, это его как раз вполне устраивало, потому что в значительной мере позволяло преодолевать чувство неловкости, которое он не мог не испытывать при столь тесных контактах с молодой, красивой девушкой.

С судьбой не поспоришь. И ни к чему было искать какие-то оправдания тому, что он не мог и минуты пробыть без своей «дочери». А та, в свою очередь, держалась с такой естественной непосредственностью, что казалось, и в самом деле прожила с ним не одну жизнь. Так, но крайней мере, представлялось Радову, пока не произошло одно маленькое происшествие.

День их был заполнен до предела. А по вечерам, когда на землю опускалась бархатистая летняя ночь, излюбленным занятием их стало сидеть на скамеечке под старой яблоней и смотреть на далекие звезды. Что при этом думала Нуэла, подняв голову к ночному небу, Радов не знал, он старался ни о чем не расспрашивать ее. Но однажды она сама тронула его за рукав и сказала:

- А вы не хотели бы посмотреть, как я летаю?

- Очень, очень хочу! - обрадовался Радов. - Я давно собирался просить тебя об этом.

- Тогда встаньте вот сюда, к дереву, и постарайтесь ничему не удивляться.

- А ты не улетишь совсем? - в шутку, но не без тревоги спросил Радов.

- Из своего гнезда не улетаю, - просто ответила Нуэла. - А чтобы вы не беспокоились, дайте ваш фонарик.

Она зажгла фонарик, отрегулировала яркость, пристегнула его к пояску своего платья:

- А теперь смотрите!

Радов отошел чуть в сторону, Нуэла вскочила на скамью, слегка приподнялась на носочки, запрокинула голову назад, подняла руки вверх и, легонько оттолкнувшись от скамьи, взмыла в сгустившуюся черноту ночи.

Ноги ее были плотно сжаты, тело словно вытянулось в тугую, упругую струну, и только руки, как два больших тонких крыла, плавно и синхронно изгибались из стороны в сторону, задавая направление полету.

Впрочем, все это лишь на мгновение мелькнуло перед глазами Радова и тут же исчезло во мраке ночи. Лишь крохотная искорка света от фонарика продолжала подрагивать в сажистой тьме, уносясь все выше и выше к сияющим звездам.

И сразу жуткое предчувствие охватило Радова. Ему вдруг представилось, что Нуэла не вернется, что он снова останется один в этой опустевшей даче, в этой жизни, где она была единственным светлым пятнышком на фоне серой, безликой действительности. Он готов был уже закричать от охватившего его отчаяния. Но крохотное пятнышко вновь закружилось над его головой - и Нуэла, радостная, возбужденная, с лету бросилась к нему на грудь.

- Вы чем-то расстроены, мой друг? - спросила она, всматриваясь в его лицо.

- Н-нет... Просто я вдруг подумал, что ты сможешь когда-нибудь вот так же улететь и... не вернуться.

- Оставить вас одного?!

- Да...

- Разве дочь может покинуть своего отца?

- Это бывает сплошь и рядом.

- Да, пожалуй. Но... я же вам... не дочь.

- Я понимаю...

Г

- Понимаете? Ничего вы не понимаете. Ничего! - ока вдруг всхлипнула и побежала к дому.

- Нуэла, постой! Постой, Нуэлочка! - он догнал ее лишь у самого крыльца, обхватил ее вздрагивающие плечи. - Что с тобой, родная? Я чем-то обидел тебя?

- Да разве вы можете кого-нибудь обидеть? - промолвила Нуэла, глотая слезы. - Просто я... Просто я забылась немного. Это бывает после полета. Простите, пожалуйста. И спокойной ночи, - она поцеловала его в щеку и побежала к себе наверх в мансарду.

Он медленно прошел в гостиную, не зажигая света, опустился на диван. Голова у него шла кругом от того, что он только что услышал от Нуэлы, в ушах неотступно звенел ее полный отчаяния возглас: «Вы ничего не понимаете! Ничего!».

Что она хотела этим сказать?

«В самом деле, чего же я не понимаю? - снова и снова пытался он уразуметь смысл ее слов. - Неужели она имела в виду, что я не понимаю, не вижу ее желания стать больше чем просто моим другом?! Боже, это было бы таким счастьем, о каком я не смею и мечтать. Но разве это возможно при нашей разнице в годах? И разве я осмелюсь когда-нибудь предложить ей что-то в этом роде?»

Радов до сих пор не мог забыть, как несколько лет назад увлекся одной молодой особой и в ответ на свое признание услышал резкое, как удар хлыста:

- А что мне ваша любовь даст?

Нет, он даже мысли не допускал, что нечто подобное может сказать Нуэла, и все же... И все же что-то неопределенное и недосказанное до сих пор оставалось в их отношениях. Впрочем, что касается самого Радова, то все было яснее ясного: он любил ее, любил как женщину, как жену, как самое желанное существо на свете, любил так, как не любил никого и никогда в жизни. А что таится в ее душе?

«Конечно, - продолжал Радов свой внутренний монолог, - она уважает меня, возможно, даже любит по-своему, как можно любить отца, брата, как можно любить из чувства признательности любого другого человека. Но могут ли у нее возникнуть такие же чувства ко мне, как у меня к ней? И не осознание ли ею невозможности более близких

отношений между нами явилось причиной ее сегодняшнего срыва? Бедная девочка! Как сказать, как объяснить ей, что

я и не жду от нее ничего большего, чем то, что хочу постоянно видеть ее, заботиться о ней, беречь ее покой и безопасность?

Не жду ничего другого? А если быть до конца честным? Если она вдруг скажет, что встретила и полюбила другого человека, что решила выйти за него замуж? Что тогда? Разве я смогу пережить такое? Нет, я действительно чего-то не понимаю. Абсолютно ничего не понимаю. Но хватит об этом! Нуэла права - от судьбы не убежишь. Что будет, то и будет...»

Он заставил себя раздеться и лечь в постель. Однако сон не шел к нему. Нервы оставались напряженными до крайности. И вдруг до слуха Радова донеслись чьи-то тихие, осторожные шаги. Он насторожился. Шаги в саду? В такое позднее время? Радов выглянул в окно. Там была непроглядная темень. И все-таки он смог заметить, что в полосе света, падающего из окна Нуэлы, мелькнула чья-то тень. И снова все смолкло. Но теперь ему было не до сна. Он оделся потеплее и вышел в сад.

Здесь не было ни души. Свет в окне Нуэлы погас, значит, она легла спать. Звезд больше не было видно. Начал накрапывать дождь. И все-таки он дошел до конца сада, осмотрел калитку. Она была заперта, как всегда. Впрочем, перескочить через нее не представляло ни малейшего труда. Как и перебраться через изгородь участка.

Смутная тревога овладела Радовым. Кому и зачем понадобилось бродить ночью по саду? Воровать здесь было пока нечего, никаких конфликтов с соседями у него не было. Неужели это те, кто подбираются к Нуэле и готовят какое-то недоброе дело?

Но кругом стояла такая глухая тишина, весь сад дышал таким сонным, умиротворяющим покоем, что Радов даже усомнился в том, что только что слышал какие-то подозрительные звуки.

Все дело, по-видимому, в непомерно расстроенном воображении, решил он, поднимаясь на крыльцо. Эдак черт знает до чего можно дойти. Да и Нуэла, скорее всего, разнервничалась только потому, что полетала в небе. Кто знает, как действуют на нее эти полеты.

И все-таки на следующий день рано утром, ничего не сказав Нуэле, он прежде всего осмотрел все дорожки в саду.

Осмотр этот подтвердил самые худшие его опасения: на многих дорожках и кое-где прямо на грядках были отчетливо видны отпечатки подошв больших мужских сапог, которые начинались от границы с соседним участком, проходили под лоджией мансарды, сворачивали зачем-то к хозяйственному сараю и далее вели к калитке сада. Особенно много следов было под самой лоджией, из чего следовало, что обладателя сапог больше всего интересовала комната Нуэлы.

Придя к такому заключению, Радов присмотрелся к следам попристальнее и даже вздрогнул от неожиданного открытия: на них четко просматривались иероглифоподобные отпечатки, какие они с Рындиным обнаружили на дороге, ведущей в райцентр. Но это еще не все. Когда он повернул в дальний конец сада и вышел за калитку, то увидел в траве знакомую пачку из-под сигарет с тем же самым трафаретом: «Мейд ин Дели».

Не оставалось сомнения, что здесь побывал тот самый человек, который сошел с автомобиля на лесном перекрестке, и значит, один из тех, кто давно уже преследует Нуэлу и теперь выследил ее и здесь, на даче Радова. Но ведь это прямая угроза ее жизни!

Что же делать?! Немного подумав, Радов решил прежде всего посоветоваться с Рындиным. Тот был, как всегда, немногословен:

- А ну-ка, выкладывай теперь все без утайки. Все-все! Все секреты твоей дочери.

Пришлось рассказать ему всю историю Нуэлы и ее матери, не исключая тех злоключений, которые были связаны с таинственным камнем.

- Болван! - бросил Рындин, дослушав до конца.

- Кто болван? - не понял Радов.

- Ты болван, кто же еще! Нет чтобы рассказать мне все с самого начала. А теперь вот... Ясно, что это охотники за ее талисманом. И тот толстяк в шляпе - один из них.

- Но ты сказал в прошлый раз...

- Мало ли что было в прошлый раз. Откуда я знал эту историю с камнем?

- Что же теперь делать? Может, обратиться в милицию?

- Нет, это только осложнит дело. Главное сейчас - выследить этого толстяка и возможных его поделщиков и устроить им хорошую взбучку. Я займусь этим, благо у меня есть кое-какие возможности. А пока... - замялся Рындин.

- Что же пока? - насторожился Радов.

- А пока придется тебе расстаться на время со своей любимой «дочкой».

- Как расстаться?!

- А так. Сними ей комнатку где-нибудь подальше от своей дачи и тихо-тихо, так, чтобы ни одна живая душа не знала, перевези ее на это новое местожительство. Кстати, у меня есть на примете одна старушенция: живет бо-былкой в своей собственной халупе. Бабка тихая, языком трепать не любит. Она тебе хоть полдома сдаст. И возьмет недорого.

- Нет!

- Что нет?

- Я не расстанусь с Нуэлой ни на один день.

- Ну и дурак! Не знаешь ты этих азиатов. Уж коль дело так повернулось, они тебя первого прихлопнут, да так, что и концов не найдешь.

- Я должен быть с нею несмотря ни на что, - упрямо повторил Радов.

- Ну, знаешь! А впрочем... - Рындин задумался. - Я бы, наверное, тоже не бросил ее одну. Только... береги ее, Андрей. Сам Бог наградил тебя этим бриллиантом. Редко кому выпадает такое счастье.

Будто он, Радов, сам не знал этого! Но как сохранить такой бриллиант?.. В страшном смятении, полный тревоги возвратился он к себе на дачу. И здесь его ждал еще один сюрприз. С утренней почтой пришло письмо от дочери.

Светлана писала редко, по большей части лишь поздравляла с праздниками и днем рождения, и потому уже один вид письма вселил в него непонятное беспокойство. А когда он прочел его...

Сначала дочь длинно и бестолково рассказывала о своих новых покупках, о своих планах смотаться на Кипр, о своем новом автомобиле, который преподнесла ее мужу какая-то фирма в виде презента за «потрясную» сделку, провернутую ее благоверным. А в конце писала:

«Вчера получила письмо от нашего Сережки, и он пишет, что кто-то из твоих соседей сообщил ему, будто ты связался с некой распутной женщиной, чуть ли не индийской танцовщицей, и поселил ее в нашем доме. Сережка пишет, что не верит этому, а если, дескать, это и так, то это твое личное

дело. Ты же знаешь нашего добряка Сережку, он весь в тебя. Но я смотрю на это по-другому. Не сходи с ума, отец, выпроводи прочь эту авантюристку. Иначе ноги моей не будет в твоём доме. Так я и Сережке напишу».

Радов сглотнул подступившие к горлу слезы. И это его дочь! Его любимая Светочка, которую он когда-то носил на руках, потом водил за руку в детский садик, потом часами просиживал с ней над задачами по не дававшейся ей математике, потом просил, умолял не соединять свою жизнь с единственным сыном директора местного винокуренного завода, уже тогда поглядывавшим свысока на «рядового», не сумевшего «выбиться в люди» геолога. Но все оказалось тщетным, слишком могущественный союзник был у Светланы в лице ее сверхпрактичной мамы. Жена всегда считала, что Радов не умеет жить. А уж когда на карту было поставлено счастье дочери... Впрочем, этот «счастливый» брак и свел супругу его раньше времени в могилу. А Радов до сих пор пожинал плоды дочернего «счастья».

Занятый такими мыслями, он даже не услышал, как к нему подошла Нуэла. Она тихонько присела рядом, положила руки ему на плечи:

- Я чувствую, вы чем-то опечалены, мой друг. Я всегда это чувствую.
- Да, пришлось понервничать немного, но это... Боже, Нуэла, ты вся горишь! - он приложил ладонь к ее лбу. - У тебя не меньше сорока. Давай поставим градусник.
- Не надо градусник. Я и так чувствую, что у меня жарок. Но это пройдет.
- Конечно, пройдет. Только надо лечь в постель. А я запарю тебе липового цвета и приготовлю чай с малиной.
- Я все сделаю, как вы скажете. Спасибо, мой хороший... Только не нервничайте больше. Пожалуйста. Постарайтесь хоть ради меня.

Глава восьмая

Следующие три дня прошли без всяких происшествий. Нуэла поправилась. Рындин больше не звонил. И Радов готов был уже поверить, что таинственные следы в саду оставил какой-нибудь пьяный бродяжка, случайно забредший на дачный участок. Он начал подумывать даже, что было бы неплохо как-то разнообразить жизнь Нуэлы: свозить ее к морю или поселиться с ней на две-три недели у знакомого рыбака, живущего в летнее время в охотничьем домике на уединенном речном острове. Но все повернулось иначе.

В ночь с субботы на воскресенье, часа в два пополуночи, он снова услышал в саду звуки шагов. Радов затаил дыхание. Да, несомненно где-то неподалеку от дома, с той стороны его, куда выходила лоджия мансарды, явственно прослушивались чьи-то осторожные, крадущиеся шаги. Но вот они смолкли. И в ту же минуту раздался легкий стук в стену, словно кто-то ударил по ней доской или палкой. Это было уже больше чем подозрительно. Радов вскочил с дивана и, не тратя времени на одевание, набросив лишь пижамную куртку на плечи, спустился на цыпочках в сад.

Здесь не слышно было больше ни звука. Но стоило ему дойти до угла, как он ясно различил в темноте садовую лестницу, прислоненную к перилам лоджии, а на верхних ступеньках ее - черную фигуру человека. Тьма не позволяла различить, что это за человек. Но в том, что это была не Нуэла, можно было не сомневаться. Значит...

Все дальнейшее произошло почти минуя его сознание. Радов подскочил к лестнице и сильным рывком повалил ее наземь. Однако человек, забравшийся наверх, успел ухватиться за верхнюю кромку лоджии и попытался теперь дотянуться до нее, с тем чтобы перелезть через перила. Скорее всего ему удалось бы это. Но тут взгляд Радова упал на резиновый шланг, конец которого с металлической насадкой был опущен в бочку с водой. Вот она, последняя возможность! Схватить шланг, вытащить его из бочки, раскрутить вентиль было делом одной секунды, и в следующее мгновение мощный поток ледяной воды обрушился на судорожно извивающуюся фигуру злоумышленника.

Этого налетчик, конечно, не ожидал. Сначала он еще пытался сопротивляться бешеному напору бьющей по нему струи. Но через минуту или две руки его, видимо, соскользнули с мокрых перил, и он рухнул прямо под ноги Радова.

Теперь Радов был уверен, что незнакомец вскочит и бросится бежать. И он, пожалуй, не стал бы его преследовать.

Но злоумышленник и не думал спасаться бегством. Напротив, пригнувшись, как изготовившийся к прыжку тигр, он медленно пошел на Радова. В руках у него блеснуло лезвие ножа.

Это было сверх всякого ожидания. Нечего было и думать вступать с единоборство с матерым бандитом. Но отступать было поздно. К тому же неизвестно, что стало бы тогда с Нуэлой. Можно было не сомневаться, что налетчик охотится именно за ней.

Эта последняя мысль ожгла Радова как огнем. Он снова схватил шланг и, изловчившись, полоснул им по хищно вытянутой руке.

Нож покотился на землю. А когда бандит нагнулся, чтобы поднять его, Радов направил прямо ему в лицо кинжальный поток воды.

Налетчик затряс головой, метнулся в сторону, другую, но поскользнулся на мокрой земле и растянулся в луже. Тогда Радов, не давая ему подняться, начал колотить тяжелым металлическим концом шланга по его голове, спине, плечам, пока изо рта у бандита не показалась кровавая пена.

И тут Радов опомнился, выронил шланг, нагнулся над распростертым грабителем. Тот не двигался.

- Что это? Я убил его?! Так это же... - Он в ужасе бросился в дом, подскочил к телефону, набрал 02. В трубке раздались короткие гудки. Он набрал номер снова. И снова - гудки.

- Но может, он еще жив, только потерял сознание... - Радов вернулся в сад, чтобы еще раз взглянуть на покалеченного им человека, но... того уже и след простыл.

- Ну вот, а я думал... - вконец обессиленный Радов с трудом добрался до стены дома и опустил прямо на землю.

Что же теперь делать? Звонить в милицию больше, пожалуй, не стоило, бежать за бандитом - тем более. Но и войти в дом было более чем рискованно: а если налетчик вернется или приведет своих сообщников, если он лишь притворился побитым и выжидает где-нибудь в кустах?

Радов подтянул колени к подбородку и постарался оценить сложившуюся обстановку. Голова у него раскалывалась от боли. Его била дрожь. Ноги сводило судорогой. И тут сверху, со стороны лоджии, явственно послышался скрип открываемой двери и милый сонный голос нарушил тишину ночи:

- Андрей Семенович, что вы? Что вы там делаете в такой темноте? И почему течет вода?

- Боже, Нуэла! - прошептал Радов, тщетно стараясь унять бьющую его дрожь. - Да, это я. Тут, понимаешь, такое дело...

- Что-нибудь случилось?

- Как тебе сказать... Ты спустишь, пожалуйста, сюда, если сможешь.

- Прямо к вам в сад?

- Да, только осторожнее. Я тут уронил лестницу и разлил много воды...

- Ничего, я мигом!

В то же мгновение белая тень мелькнула перед глазами Радова, и горячие тонкие руки обвились вокруг его шеи.

- Ой, что с вами? Вы весь дрожите. На вас сухого местечка нет. И почему открыт шланг? Я выключу его, и без того все кругом залито водой, - она быстро перекрыла вентиль, снова вернулась к нему. - И сбросьте эту куртку, она насквозь промокла. А рубашка... Вы даже рубашку не надели! И в таком виде вышли ночью в сад?!

Радов не знал что отвечать. Он и сам еще не мог осмыслить всего происшедшего, а как сообщить это Нуэле? Она снова обхватила его плечи:

- Да что все-таки с вами?! Вы весь словно ледышка. И так дрожите, что...

- Сейчас это пройдет, Нуэлочка. Сейчас ты все поймешь. Дай только собраться с мыслями... Все началось с того, что мне показалось...

- Нет-нет! Никаких «показалось»! Нашли время для воспоминаний! Не хватало еще подхватить лихорадку. Сейчас же в дом! И в постель! - она схватила его за руку, провела в комнату, почти силком уложила на диван, заботливо прикрыла пледом. - Вот так! Лежите и не двигайтесь! Вот уж не ожидала от вас такой прыти - пойти ночью почти раздетым поливать грядки! Вам что, здоровья не жалко?

- Да ничего я и не думал поливать. А пошел в сад потому, что... Сейчас я все расскажу, только...

- Только согрейтесь сначала. И вот еще что, - она метнулась к буфету, наполнила рюмку коньяком, отрезала ломтик лимона. - Выпейте это.

- Да, это, пожалуй, не помешает, - он выпил и сразу почувствовал, как приятное тепло разливается по всему телу. — Спасибо, Нуэлочка.

Она села на краешек дивана, пригладила его рассыпавшиеся волосы:

- Ну вот, теперь я вас слушаю. Так что произошло там, в саду?
- Не знаю даже, как тебе сказать... Во всяком случае ты не очень пугайся. Все началось с того, что я услышал шаги...
- Шаги у нас в саду?
- Шаги возле нашего дома. И тихий стук в стену.
- И решили, что кто-то забрался в сад?
- Не будь тебя, я просто не обратил бы на это внимания. Но разве можно было не выяснить, в чем дело, когда опасность могла подстеречь и тебя? Я быстро набросил куртку, выскочил в сад и... - и Радов рассказал все, что только что произошло под лоджией мансарды.
- Та-ак... - промолвила Нуэла после недолгого молчания. - Значит, они выследили меня и здесь...
- Ты думаешь, это они?
- Больше некому. И боюсь, что на этом они не успокоятся.
- Заявятся снова?
- Такие люди не останавливаются ни перед чем.
- Пусть попробуют, я им... Нуэла зажала ему рот ладошкой.
- Андрей Семенович, - она прижалась лицом к его груди, - милый Андрей Семенович, я знаю, вы пойдете ради меня на все. Но ведь они могут расправиться и с вами. И вот этого... этого я не переживу.

Он легонько коснулся ее щек и почувствовал, что лицо Нуэлы мокро от слез.

- Ну, полно, полно, Нуэлочка. Не плачь. Все обошлось, как видишь, лучше некуда: налетчик еле ноги уволок, я отделался лишь легким испугом. Иди к себе, родная, ляг в постельку и постарайся успокоиться. Уж сегодня-то они точно больше не сунутся сюда. А завтра мы еще раз все обсудим и наверняка придумаем, как обезопасить себя от любых бандитов.

Она лишь покачала головой. Радов попытался заглянуть ей в глаза:

- Ты все еще боишься?
- Я боюсь за вас.
- Ну, я-то смогу постоять за себя. Иди спи, Нуэлочка. Спокойной ночи.

/Н

Она снова покачала головой:

- Я не уйду отсюда.
- Но ведь становится совсем свежо, а ты, я вижу, в одной сорочке.
- Я не уйду от вас... - упрямо повторила Нуэла.
- Ты хочешь, чтобы я устроил тебе постель здесь, внизу?
- Я хочу остаться с вами... Понимаете, с вами! Я люблю вас. Я люблю вас больше жизни. Я хочу стать вашей. Совсем вашей. Вашей до последнего моего волоска, до последнего моего вздоха. Хочу этого сейчас. Сию минуту! - она стремительно выпрямилась, откинула назад упавшие на глаза волосы и прежде чем до Радова дошел весь смысл сказанных ею слов, погасила ночник и, сбросив сорочку, юркнула к нему под плед.
- Милый мой, дорогой мой человек, - горячо зашептала она, прижимаясь к нему всем телом, покрывая поцелуями его лицо, грудь, руки. - Неужели ты не понимаешь, не чувствуешь, как я люблю тебя, как хочу быть твоей, только твоей! До конца моей жизни!
- Любимая моя... - только и смог вымолвить Радов, сжимая ее в своих объятиях.

Больше они не произнесли ни слова. Мир перестал для них существовать...

Когда он проснулся на следующий день и вспомнил все, что произошло прошедшей ночью, слух его поразила неестественно глубокая тишина. Нуэлы рядом не было. Видимо, она уже успела встать. Но из кухни, где она в это время обычно готовила завтрак, не доносилось ни звука. Тихо было и наверху, в мансарде. Что бы это значило?..

В сильной тревоге Радов вскочил с дивана и прежде всего заглянул на кухню. Там действительно не было ни души, и ничто не говорило о том, что кто-либо уже побывал этим утром. Не было Нуэлы и в других комнатах. Не было ее и в саду. Тогда он метнулся наверх, чтобы постучать в комнату девушки. Но тут взгляд его упал на стол, и страшное предчувствие сдавило его сердце. На самом краешке стола лежал маленький белый конверт, которого вчера еще здесь не было и который могла оставить только Нуэла.

С лихорадочной поспешностью дрожащими руками вскрыл Радов конверт и извлек оттуда небольшую записочку. В ней было всего несколько строк. Нуэла писала:

«Мой милый, единственный! Я знаю, что причиняю тебе кошмарную боль. У меня самой сердце разрывается на части. Но иного выхода я не вижу. Чтобы спасти тебя от этих негодяев, я должна расстаться с тобой. Защитить тебя от них я не смогу. Никто другой нам здесь не поможет. А если не станет тебя, мне все равно не жить. Куда я еду? Пока не знаю сама. Прежде всего к себе на родину. Моих денег (которыми ты так и не захотел воспользоваться) хватит на авиабилет до Дели. А дальше... Тешу себя надеждой, что где-то там, в предгорьях Гималаев, я смогу все-таки спрятаться от своих преследователей. Если же нет, то брошу им в лицо тот злополучный камень. В конце концов он не принес мне ничего кроме несчастья и горя. И может быть, мы сможем еще встретиться. Я надеюсь на это. Я хочу этого. Я верю в это. Верю, что судьба не разлучит нас на веки вечные. Ведь мы не сделали ничего плохого ей, судьбе. Особенно ты, самый лучший, самый добрый человек на свете. Ты дал мне счастье, воспоминания о котором хватит на всю жизнь.

До свидания, родной мой. Целую тебя снова и снова.

Навеки твоя Нуэла».

Радов со стоном повалился на диван. Это было свыше того, что можно пережить. Это был конец. Конец его счастью, конец его любви, конец его жизни. Жизнь мгновенно потеряла всякий смысл.

Только час или два спустя нашел он в себе силы еще раз прочесть письмо Нуэлы.

Да, это был конец. Второй раз терял Радов самого дорогого ему человека. Второй раз судьба отнимала у него любимую женщину...

Но вдруг словно что-то взорвалось у него в душе. Кулаки его сжались, глаза зажглись упрямым огнем. Нет, на этот раз Радов не сдастся судьбе на милость. Он разыщет свою Нуэлу. Если даже для этого придется исколесить весь мир!

Вместо эпилога

«Россия. Новгородская область. Поселок Лесной.

В. Рындину

Дорогой друг, пишу тебе из небольшой деревушки, что приютилась в глухой горной долине у самого подножья Гималаев. Ты помнишь, как два года назад, после известных тебе событий, я продал дачу, распродал все свое имущество и отправился на поиски Нуэлы? И я разыскал ее. Не буду описывать все трудности, с какими пришлось столкнуться в чужой далекой стране, скажу лишь, что мне очень помогли мои бывшие друзья-геологи, с которыми я когда-то работал здесь, в Индии. Без них я бы не нашел свою любимую.

Теперь мы снова вместе, построили небольшой домик на берегу веселой горной речки, разбили маленький сад и надеемся дожить здесь до конца дней своих на радость друг другу. Мать Нуэлы скончалась. Камень свой она добровольно отдала своим преследователям. И представь себе, все они вскоре погибли в кораблекрушении, так что камень покоится теперь там, где ему положено быть, - на дне Индийского океана. А недавно у нас родилась дочка. Мы назвали ее Джуной. И очень рады, что над ней уже не будет витать то роковое проклятье, какие долгие годы испытывали на себе ее мать и бабушка.

А. Радов».